

БОРЩИК ДУШ

Хомъ
Камъ
Блекъ
Гарсия

Рык
Янсу

Тум Прамъ
Гарм Никс

Нри
Гейман

Ц. гр. 2006

**Антология
Мелисса Марр
Тим Пратт
Сборщик душ**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8728274

Сборщик душ: [антология] / авт.-сост. Мелисса Марр, Тим Пратт.: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087909-0

Аннотация

Нил Гейман, Рик Янси, Ник Гарт, Холли Блэк и классик фэнтези-арта Чарльз Весс дарят своим читателям новые образы любимых сюжетов, создавая иные реальности, полные современной магии.

Содержание

Предисловие	6
Чтобы Машина работала вечно...	8
Скучно быть богиней	23
Веретено и дева	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сборщик душ

Авторы-составители

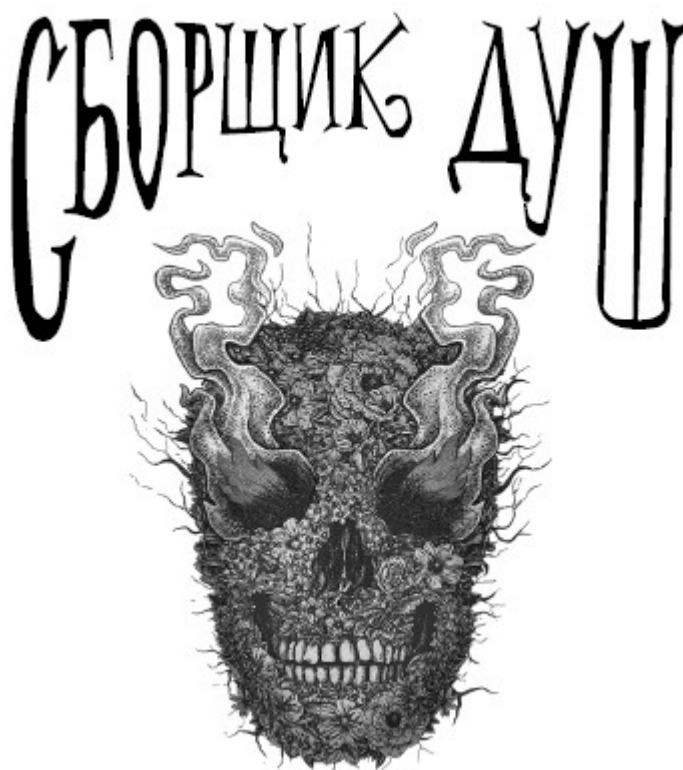
Мелисса Марр, Тим Пратт

Посвящается Нилу, из рассуждений которого родился этот сборник. Ты был и остаешься для меня чудесным вдохновителем и любимым другом – и учишь меня хорошему и плохому.

М.М.

Посвящается маме и папе, которые вырастили меня в доме, полном книг.

Т.П.

Edited by Melissa Marr and Tim Pratt

RAGS & BONES

New Twists on Timeless Tales

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Иллюстрации Чарльза Весса

Художественное оформление Василия Половцева

Переводы с английского

© Compilation copyright © 2013 by Melissa Marr and Tim Pratt

© А. Осипов, перевод на русский язык

© А. Блейз, перевод на русский язык

© А. Зайцев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предисловие

Наши пути – пути составителей этого сборника – пересеклись еще до того, как мы впервые встретились друг с другом. Тим окончил факультет литературного мастерства в Северной Каролине и стал редактором и писателем. Мелисса изучала, а затем и преподавала литературу в другом университете того же штата. Собственные рассказы она начала писать на двенадцать лет позже Тима и к тому времени уже была знакома с его творчеством. Тим опубликовал ее первый рассказ. Так они познакомились и подружились: их объединила любовь к литературе малых форм и книгам вообще, а также к фэнтези и научной фантастике. Из этой общей любви и родился замысел сборника – после того как Тим сделал необычный комикс для детей на основе повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

Впрочем, у нашего сборника был еще один родитель: однажды вечером в Нью-Йорке мы беседовали с Нилом Гейманом, и тот принялся рассуждать о пересказе старых историй на новый лад. Точнее говоря, речь зашла о пересказе одной конкретной сказки – той самой, которая позже обрела новую жизнь в этом сборнике (хотя, возможно, сам Нил уже и не помнит, с чего все началось). Хочется надеяться, что все это – одно из тех грандиозных совпадений, которые подчас случаются с писателями: образы и произведения искусства, с которыми мы сталкиваемся в своей жизни, продолжают вертеться у нас на уме, сочетаться друг с другом и развиваться дальше. Старинные предания, народные и литературные сказки, полузабытые легенды – все это продолжает вариться у нас внутри, словно волшебное зелье в ведьмином котелке, и время от времени мы добавляем из него ложку-другую в свои собственные новые истории. Мы снова и снова влюбляемся в то, что полюбили когда-то в прошлом; мы снова и снова сражаемся с трудными и болезненными поворотами тех сюжетов, которые завораживали нас еще в детстве.

И вот мы подумали: а не предложить ли некоторым нашим любимым писателям вновь обратиться к милым их сердцу историям, но только на сей раз – не бессознательно, а с определенной целью? Мы поговорили с будущими авторами этого сборника и попросили их выбрать такие сюжеты, которые в свое время взяли их за душу, восхитили, увлекли и оставили глубокое впечатление, – а затем выварить эти сюжеты «до костей и лохмотьев», выявить в них самое главное и создать на его основе что-то новое. Получилось просто замечательно! Чтобы оценить эти новые истории по достоинству, знакомиться с их прототипами необязательно, но если они подтолкнут вас к поискам своих литературных предков, вы не разочаруетесь.

Рик Янси в своем рассказе, превзошедшем самые смелые наши ожидания, переносит действие «Родимого пятна» Натаниэля Готорна в отдаленное будущее, где опасения, которые внушает нам наука, чудесным и пугающим образом смешиваются с благоговением перед тайной любви. Кэрри Райан увлекает читателя в будущее другого рода, в котором человечество переселилось под землю и впало в такую зависимость от технологий, до какой в реальной жизни нам еще далеко. Келли Армстронг тоже обращается к будущему, но двигателем сюжета у нее становится не технология, а магия – магия и братская любовь. По большому счету, все эти три рассказа (которые можно отнести одновременно и к жанру ужасов, и к научной фантастике) повествуют о наших человеческих слабостях и недостатках.

Истории, собранные в нашей антологии, отражают не только влияния других литературных произведений, но и личные интересы и увлечения авторов. Маргарет Штоль писала свой рассказ в период работы над сценарием фильма по роману «Прекрасные создания» и связала действие «Сирокко» с тем итальянским городком, куда приезжала в поисках творческого вдохновения. Ками Гарсия, соавтор «Прекрасных созданий», вложила в своего «Сборщика душ» память о тех годах, когда она работала школьной учительницей в социально

необеспеченном пригороде Вашингтона. Оба рассказа несут на себе печать житейского опыта, который, однако, получает совершенно неожиданное развитие и принимает восхитительно зловещие образы.

Собранные здесь рассказы весьма разнообразны по структуре и стилю, что само по себе вызывает интерес. Гарт Никс, вдохновленный Кипплингом и его героями, не знающими меры в честолубии, ведет повествование от лица рассказчика, который описывает происшедшие с ним события. Но поручиться за точность этого изложения нельзя: рассказчик явно не прочь приврать. Холли Блэк преображает Кармиллу, женщину-вампира из одноименной новеллы Шеридана ле Фаню, в бессмертную, но вполне современную девочку-подростка, пытающуюся сражаться с собственной природой. В результате ее рассказ принимает форму глубоко эмоциональной исповеди. Саладин Ахмед дает слово сарацинам, оклеветанным и окарикатуренным в «Королеве фей», и использует в собственных целях образы и ритмы этого прототипа всей эпической фэнтези.

Джин Вульф в своем сиквеле к рассказу Уильяма Сибрука повествует о причудливых и страшных последствиях, к которым ведут дикарство и бесчеловечность. Еще несколько авторов также обращаются к необычным для себя стилистическим приемам – и всегда с самыми замечательными результатами.

Составители тоже включили в сборник свои работы. Не сговариваясь, оба они обратились к теме американского Юга: Тим Пратт, уроженец Северной Каролины, привносит южный колорит в свою переработку рассказа Генри Джеймса, а Мелисса Марр, напротив, окрашивает традиционный для Юга сюжет в шотландские тона.

Надеемся, что плоды наших трудов придутся вам по вкусу.

Мелисса Марр и Тим Пратт

Чтобы Машина работала вечно...

Кэрри Райан

Только в самом низу лестницы до Тавила доходит, что сестры позади нет. Он устремляет взгляд вверх, в узкий тоннель, ведущий на поверхность, ожидая увидеть ее где-нибудь там, но видит лишь тьму, увенчанную круглой шапочкой ярких звезд.

– Прия!

Голос его неестественным эхом прыгает меж металлических стен колодца. К такой звуковой клаустрофобии он совсем не привык: там, где обитает Тавил, звукам хватает места развернуться.

Сестра не отвечает. Хоть бы голову высунула над закраиной трубы, сказала какую-нибудь гадость или просто показала, что она еще там. Тавил колеблется: может, стоит вернуться наверх? Может, Прия испугалась? Он глядит вниз. Там, совсем недалеко, резкий свет выхватывает из тьмы последнюю ступеньку лестницы, за которую цепляются его гибкие подошвы. Один прыжок с небольшой высоты, и он весь окажется Внизу. Какой-то жужжащий звук поднимается оттуда и проникает, кажется, в самые кости. Даже кровь в жилах принимается вибрировать в унисон.

Как же легко зачаровывает звук – самая его механичность уже погружает в транс. Словно биение сердца, словно сам этот мир, а не только какие-то его внутренние детали – весь сплошь живой. Мысль эта одновременно и пугает, и влечет Тавила. По природе своей (вернее, как раз по недостатку природы) подземный мир Машины отвратителен. В мире Тавила, Верхнем мире, – это непреложный факт.

И как раз это делает приключение невероятно притягательным: Тавил не верит в непреложное. Он хочет сам, своими глазами, увидеть Машину до ее неизбежной гибели.

Тавил отпустил ступеньку и дал себе упасть в искусственный свет. К нему тут же с ревом ринулось металлическое чудовище; он едва успел распластаться по стене, хватая ртом воздух. Даже и так расстояние от его ребер до бока монстра оказалось меньше ладони. Рубашка неистово хлопала в потоке ветра с тяжелым «ВВУМ, ВВУМ, ВВУМ», пронесившегося мимо, пока тварь наконец не исчезла вдаль, за поворотом рельсов, оставив после себя идеальную тишину, нарушаемую только неумолчным гудением Машины да тяжелым дыханием Тавила.

Тавил безотчетно дрожал, каждая клеточка его тела словно корчилась на углях от пережитого страха. Он не помнил, когда закрыл глаза, но это было определено до *лица*. Лицо пиялилось на него через стекло окна, пока поезд мчался мимо, всего какую-то секунду, не то мужское, не то женское, но явно человеческое – в этом Тавил был совершенно уверен. Тело при лице тоже имелось – пухлое и белое; темя лысое, только пара прядей осталась; рот распылен от удивления, а там, где полагается быть зубам, влажно поблескивают мясистые розовые десны.

Видения оказалось достаточно, чтобы Тавил решил: с этим давно похороненным миром ему все ясно, можно отчаливать. Однако, обернувшись, он обнаружил, что дыры, через которую он сюда свалился, больше нет. На ее месте сверкала белая кафельная плоскость – нескончаемый, неразличимый узор по всему тоннелю, докуда хватало глаз. Всякий лом и мусор, которым был усыпан пол у устья дыры, тоже куда-то пропал.

Тут-то Тавилу и открылась истина этого места: он глубоко под землей. Мускулы рук и ног, героически одолевшие спуск, от перенапряжения свело судорогой. И не хватит никаких известных человеку мер и весов, чтобы оценить величие земной толщи между ним и

поверхностью. Между выдохшимся желтым воздухом Здесь, Внизу, и свежестью ночного тумана Там. Между вечным искусственным светом и текущей сквозь время тьмой.

Он в ловушке. Пойман. Самым диким и чудовищным образом. Как в гробу, в саркофаге, в могиле. Тавил кидается скрести кафель, не обращая внимания на то, что ногти ломаются и пальцы размазывают по белой тверди кровь. Он кричит, не думая о том, слышит ли его кто-нибудь; услышат, так, может, выкинут отсюда как обнаглевшего Бездомного.

– Помогите! Помогите! – вопит он.

В промежутке между двумя отчаянными всхлипами ему слышится эхо по ту сторону стены. словно шепот в потайном вентиляционном канале. Зов о помощи – такой же, как у него. Тавил умолкает и вслушивается. Там тоже скребутся, и сердце у него радостно кидается на ребра: это Прия пришла наконец его спасти!

Он стоит, вперив взгляд туда, где был тоннель наверх (лицо мокро от слез, тело кидает туда и сюда от рваного, прерывистого дыхания), когда прибывают черви. Он их даже не замечает, пока один не обвивается, сильно сдавив, вокруг ног. Падая, Тавил успевает заметить их длинные, белые, механические тела. А потом голова его ударяется об пол, и остается только тьма.

Он очнулся на кровати в маленькой комнатке с полом в форме ячейки пчелиного улья. У одной из дальних стен стояло кресло, между ним и кроватью – квадратный стол, а на столе – книга поистине гигантских размеров. Тавил оперся на локоть и дрыгал ногами, пока не сумел наконец сесть. Еще некоторое время он усердно тянул шею, чтобы прочесть название на обложке – «Книга Машины».

Страницы внутри оказались тонкие и шелестящие, почти прозрачные, так что если придвинуть лицо совсем близко, видно, как на другой стороне шевелятся пальцы. Вся бумага сплошь покрыта цифрами и словами, такими крошечными, что у Тавила заломило глаза от старанья их разглядеть.

Свет в комнате горел неяркий, но и не тусклый; Тавил поискал источник, но ничего не нашел. Свет просто был. Как и жужжание, которое ощущалось каждой частицей тела, будто оно шло изнутри. Тавил встал, и волосы у него на макушке коснулись потолка, мгновенно вызвав безотчетное, но на удивление стойкое ощущение, что тут нужно все время пригибаться, иначе потолок упадет тебе на голову. Всего несколько шагов, и вот она – противоположная стена... Слишком уж эта комната похожа на клетку. Все в ней такое идеально герметичное, окукливающее.

Наверное, он в камере, в какой-нибудь тюрьме; наверное, это наказание за вторжение без спросу. Если да, интересно, сколько его будут держать тут, под землей? И снова одной мысли о толще земли, отделяющей его от поверхности, хватает, чтобы в груди сперло дыхание, а всю кожу словно закололо изнутри. Тавил лихорадочно вцепился в рубашку и штаны – только чтобы обнаружить, что они совсем не те, в которых он лез по лестнице в колодец.

Он закрутился на месте, обыскивая взглядом стену за стеной, грань за гранью, но находя лишь вертикальные и горизонтальные ряды кнопок, за исключением одного пустого куска, который, видимо, нужно считать дверью. Тавил кинулся на нее всем телом, но она, естественно, не открылась, а швы по бокам оказались такие узкие, что в них и ногтя не просунуть. Нет, тут нужно какое-то орудие. Он сбросил книгу на пол, схватил стол и швырнул его об стену.

Этого мало. Тавил попытался пустить на дело разрушения еще и стул, но у того в основание оказался вделан какой-то тяжеленный механический двигатель, так что его и от пола-то толком не оторвешь. В отчаянии Тавил схватился за книгу и метнул ее через комнату вслед за столом. От удара о стену обложка оторвалась, и сокрытое знание стало на диво открытым. Тонкие странички заполнили воздух, словно лепестки цветущей яблони ветреным весен-

ним утром. Дверь, однако, отворилась, и некоторые, особо удачливые, уплыли через проем в великое неизвестное. Удача настолько ошеломила Тавила, что дыхание снова перехватило, кровь ринулась обратно в руки, а сердце прекратило свой надсадный внутренний вопль. Он сделал шаг вперед (согнувшись, чтобы снова не подмести волосами потолок). Корешок громадной книги, врезавшись в стену, оставил на ней отметину – прямо под одной из кнопок. Тавил вытер взмокшие от пота пальцы о край рубашки, облизнул губы и нажал.

Края проема встретились, опять запечатав выход. Еще одно нажатие – и дверь открылась. От движения створок по комнате пронесся легкий сквозняк, шевеля бьющиеся о ноги бумажные волны.

Тавил выглянул наружу. Прямо вперед бежал тоннель, вдалеке слегка загибаясь дугой. Ничего особенно примечательного в нем не было. Стены такого же цвета, что и в комнате (то есть белого), правда, совсем без кнопок. И потолок повыше, так что Тавил смог наконец выпрямиться во весь рост. Гул все еще отдавался в костях, и воздух был старый на вкус, словно на пути к его легким прошел через слишком много чужих.

Тавил переступает порог и идет. Куда – ни малейшего понятия. Зачем – во-первых, потому что надо же как-то двигаться; во-вторых, потому что он хочет домой. Он не может оставаться здесь: стены слишком близко, между ними даже воздуху тесно, нечем дышать. Чем больше он думает про эту тесноту, тем больше его охватывает иступление.

Сердцу уже наплевать на приказ сохранять спокойствие, оно рычит и бьется в грудной клетке. Мозг посылает в эфир панические сигналы: *меня поймали, поймали, поймали*. Тавил пытается не слушать их, но тело слышит и впадает в безутешное отчаяние: потеет, немеет, сотрясается дрожью.

Есть лишь одно лекарство: надо выбраться на поверхность. Немедленно! Надо увидеть небо, услышать тишину, глотнуть воздуха, не пропущенного предварительно через какой-то механизм. Тавил бежит, но коридор все равно обгоняет его, лукаво прячась за поворот, лишая даже надежды достигнуть цели.

Он минует другие двери и представляет себе других людей, пойманных в ловушки маленьких комнат, усеянных кнопками. И все эти закрытые клетушки надежно прячут своих обитателей внутри, защищая их даже от мысли о мире, что всего в паре футов от их собственного.

Защищая их от него.

«Интересно, они слышат мои крики? – думает Тавил. – Мое хрипящее дыхание. Кулаки, колотящие, колотящие в двери в надежде, что кто-нибудь откроет и спасет меня».

Но никто его не спасает, пока поворот вдруг не остается позади, швыряя в лицо вместо бесконечной монотонности «до сих пор» ошеломительную новизну «сейчас» – открытую дверь. Тавил медленно приближается и осторожно сует нос внутрь. Внутри точно такая же комната, как его, но без кровати: только кресло, стол и огромная книга на столе.

В комнате было пусто. Тавил уже собрался уходить, как вдруг увидел что-то интересное: отметину на стене, внутри, рядом с дверью, прямо под кнопкой. Очень знакомую отметину. Потому что он сам ее тут оставил – несколько минут назад, когда швырнул книгой в закрытую дверь.

Книгой, которая взорвалась, заблевав бумагой всю комнату и коридор снаружи. Теперь все было чисто, ни листочка. Книгу тоже заменили, лежит себе на столе как ни в чем не бывало. От его панического припадка ничего не осталось, кроме отметины на стене и остатков дрожи где-то под ребрами – последних обрывков сигнала тревоги, уносимых отливом в пучины организма.

Уже немного спокойнее Тавил вошел в комнату, оставив дверь открытой, чтобы создать хотя бы иллюзию пространства – хотя бы фантазию о том, что из могилы есть выход. Он сел в кресло, и тело тут же аварийно расслабилось, погрузившись в плюшевую мягкость, которая словно обволокла его, заключила в утешительные объятия.

Вдоль подлокотников опять оказались кнопки, и он нажал одну, квакнув от ужаса, когда кресло под ним дернулось и покатилося через комнату. Никогда еще в жизни Тавил не передвигался иначе, чем на своих двоих – ну, или четырех: некогда ползая, затем ходя, бегая и лазая. Ощущение, что тебя уносит какая-то штука, в которой не бьется сердце, а урчит мотор, было совершенно неправильным. Выяснив, что остановить чертов механический стул невозможно, Тавил перелез через спинку – и как раз вовремя, а не то его впечатало бы аккуратно в белую стену.

Кресло оказалось упорнее: даже повстречавшись с неподвижным препятствием, оно продолжало жужжать мотором, добавляя лишний голос в неизбывный воздушный гул. Звук дробился о стоящего в центре комнаты Тавила, так что у него даже зубы заныли. Пришлось взяться за челюсть руками, чтобы та не вибрировала.

Он обернулся к лежащей на столе книге и с силой отбросил обложку – страницы так и взвились. Прибив их рукой и нисколько не заботясь о том, что потная ладонь промочила тонкую бумагу, сплавив текст в почти неразличимое пятно, Тавил начал читать.

Он сидит за столом посреди очень маленькой комнаты. Теперь дверь закрыта. Хвала Книге Машины, теперь он знает, как заказывать еду (подается немедленно на отдельный столик, по нажатию кнопки вырастающий из пола); как менять освещение (рычажок на стене); как включать музыку (другой рычажок). Теперь он умеет вызывать ванну с чем-то вроде воды, холодной или горячей, на выбор, унитаз, раковину и даже кровать – все появляется из пола, если нажать на нужную кнопку.

Кресло греет его и только что не баюкает; он сидит лицом к одной из шести стен и держит на коленях открытую книгу исполинского размера. Он читает о том, как сообщаться с миром при помощи Машины, и уже отключил режим изоляции, но в комнате все еще тихо. Никто не знает, что Тавил Тут, Внизу. Никто не горит желанием войти с ним в контакт.

Он водит пальцем по тонким строчкам, бормоча что-то себе под нос, потом нажимает кнопку, и на фоне дальней стены с потолка прыгает голубой диск и тут же взрывается неистовыми красками.

Сегодня все старалось удивить Тавила, изобретая для этого все новые и новые способы: вряд ли что-то еще способно исторгнуть у него задушенный крик – даже подобное чудо. Кровь уже не застывает в жилах, а вскипает любопытством. Тавил подается вперед, а краски тем временем превращаются в картинки – будто глядишь через окно туда, в надземный мир. Он встает и медленно идет вперед, пока не упирается пальцами в плоскую поверхность; цвет сияет сквозь его плоть, но исчезает, стоит только отдернуть руку.

Перед ним – совершенно сработавшая картинка мира, он узнает ее тут же. Пыльный пейзаж, усеянный бурыми купами сухой травы, иссеченный змеящимися по поверхности, подобно шрамам, рядами острых камней; вдалеке клубится серый туман. Камни – вот и все, что осталось от стоявшего тут некогда огромного здания. Тавил знает о нем, потому что ему рассказывали – рассказывали, как оно последним держало оборону против врага, еще до Нижнего мира, до Машины, до того как человек попытался победить солнце. Он сам, своими глазами видел развалины, когда отправился вместе с сестрой в первый раз посмотреть на море.

Глядя на картинку, Тавил чувствует, как в груди у него растет что-то тяжелое и неподвижное. Оно вытесняет из легких воздух, давит на ребра – чувство, что все неправильно. Место, где он находится, воздух, которым дышит, кресло, возле которого стоит, кнопки, по которым бегают пальцы, – все это никуда не годится.

То, что видно на экране, – вот она – правда; быть так долго вдали от нее – вот он – ужас. Ноги у него подкашиваются, Тавил садится. Книга выскальзывает из онемевших пальцев и с глухим ударом приземляется на пол – всего лишь на мгновение, прежде чем пол, не шелохнувшись, подбрасывает ее обратно, ровно на такую высоту, чтобы Тавил мог снова положить ее на колени, не сделав ни единого лишнего усилия.

На экране произошло какое-то движение: нечто с колесами, а в нем – человекоподобное создание, каких Тавил никогда доселе не видывал. Разве что в окне поезда. Этот экземпляр вроде бы относился к мужскому полу; тело у него было круглое и задрапированное в тунику, которая скрывала большую часть колышущейся белесой плоти – но, увы, не всю. Лицо от подбородка до глаз пряталось за респиратором, стропами обнимавшим лысую голову.

Создание говорило. Тавил понял это по тому, как у него двигались челюсти. Он нажал очередную кнопку, и вокруг возник звук.

– ...против внутреннего мятежа тех, кто некогда обитал в этих стенах, а также в других строениях, окружавших замок.

– Вот уж неправда, – пробормотал про себя Тавил.

Звук его голоса ненадолго повис в воздухе, потом пылью осел на мебель. История развалин не имела ничего общего с бунтами: на самом деле один город просто защищался от агрессии другого.

Человек на экране замолк и поправил маску. Ремни еще сильнее утянули несколько ярусов кожи под подбородком, шея раздулась. Прочистив горло, он продолжал:

– ...останки которого до сих пор рассеяны по Семи Холмам Уэссекса, что подводит нас вплотную к идее о том...

Тавил затыкал презрительным смехом.

– По *Восьми* Холмам! – сообщил он монотонно лепечущему экрану.

Рассказчик снова запнулся и принялся поправлять респиратор. Он дышал со свистом, сильно отдававшимся в полостях маски. Комнату наполнили кашель и недовольное ворчание – они исходили из неизвестного источника, как и свет.

Тут Тавил понял свою ошибку: не только он все слышал, но и его слышали. Он скорее потянулся за книгой и помчался по страницам в поисках кнопки, которая выключит звук с его стороны.

Однако долго листать не пришлось, потому что лектор продолжал, обращаясь, судя по всему, непосредственно к Тавилу, каким бы невозможным это ни казалось:

– Я вас заверяю, что количество холмов – а именно семь – отнюдь не мое изобретение. Это очевидный и несомненный факт.

Тавил фыркнул.

– Бред какой! Просто оглянитесь и сосчитайте. Вон они стоят, очевидные и несомненные.

Кто-то зашипел, раздался многоголосый гомон, но Тавилу дела не было. Он встал перед экраном и стал тыкать в него пальцем, словно лектор мог видеть, как он считает.

– Вон первый, с утесом; второй рядом с ним, вершина срезана к западу...

Он говорил все громче и громче – лившаяся со стен болтовня грозила заглушить все. Аудитория горячо возражала против идеи подкреплять данные наблюдением, утверждая, что это добавляет совершенно ненужную и неправильную окраску, способствуя пристрастности и угрожая предоставлением ложной информации, не прошедшей через апробированных посредников.

Тавил тем временем перекрикивал общий шум:

– ...третий сразу за ними – его бывает трудно разглядеть в тумане, но только не сейчас, потому что погода ясная. Четвертый...

Через какофонию голосов прорвался еще один, женский, яснее и чище прочих.

– Не надо им *ничего* говорить про поверхность, – произнес он.

Тавил умолк, не донеся палец до экрана, и сделал шаг назад.

– Кто это сказал?

Ответом был многоголосый рев; доводы и аргументы слушателей лекции слились в нечленораздельный вал.

– Кто это сказал? – еще раз требовательно спросил он.

Что-то словно коснулось его загривка; Тавил даже задержал дыхание, прислушиваясь. Тот же самый инстинкт, которого он привык слушаться на поверхности, где его окружал дикий, неприрученный мир – вернее, то, что от него осталось. Тавил попытался вытряхнуть из ушей жужжание стен, но их воздушные голоса продолжали заглушать всякое чувство реальности. Он нажал кнопку, подождал, пока откроется дверь, и встал на пороге. Позади болтала и голосила комната, впереди изгибался длинный тоннель.

Тавил пошел вперед, выжигая отчаяние движением, распахнув все свои чувства этому сухому механическому миру. Там, куда он шел, послышался какой-то новый шум, жужжание, не похожее на то, что слышалось из стен. Тавил прибавил шагу, но звук сделал то же самое. Тавил пустился бегом.

Так всегда бывает: звук прятался ровно за следующим поворотом. Временами впереди словно бы что-то мелькало. Тавил надавал еще – и вот он огибает все тот же нескончаемый поворот, и прямо перед ним торчит колесный экипаж.

Из него выходит женщина. Она не похожа на мужчину с экрана или на то лицо из поезда. Формы она довольно округлой, но при этом высока, способна самостоятельно передвигаться на своих двоих, и длинные ее черные волосы покачиваются при ходьбе. Она уходит в открытую дверь.

– Погодите! – кричит Тавил.

Дверь начинает закрываться, но она оборачивается и смотрит ему в лицо. Женщина не произносит ни слова, но Тавил знает, что это она его предупредила.

Тавил понимает, что она, как и он, Оттуда, Сверху, – и спотыкается. Ее кожа помнит солнце: это написано прямо у нее на щеках вязью веснушек. В руках у женщины огромная книга. При виде несущегося к ней Тавила в глазах у нее словно вспышка проскакивает. Женщина стоит неподвижно и не делает ничего, чтобы не дать двери закрыться.

Она исчезла. Тавил остался один в коридоре, колотить в проклятую дверь. Вопросы... у него столько вопросов.

Внезапно он заметил кнопку – и давил, и давил на нее, пока дверь снова не отворилась, показав ему белую пустоту. Он ворвался внутрь, надеясь обнаружить хоть какой-то след женщины, но нашел только кнопки – стройные колонки кнопок, взбегающих вверх по стене.

Тавил нажал первую попавшуюся, и в ней тут же замигал красный огонек. Дверь закрылась, желудок слегка скрутило, он весь словно стал тяжелее, а потом дверь отворилась, и перед ним снова был тоннель. Только другой – без колесного экипажа.

Тавил оказался на другом уровне. Он прислушался, пытаясь уловить шаги незнакомки, но ничего не услышал. Вернулся в комнату, нажал другую кнопку. Снова и снова повторял он все то же самое. Ни следа ее, ни следочка. Ни ее, ни хоть кого-то еще живого. А потом он нажал последнюю кнопку, и дверь открылась, и он оказался в каком-то совсем новом месте.

Длинные платформы уходили вдаль, от них ответвлялись другие платформы, ведущие вверх, к палубам нескольких громадных летательных аппаратов. Их раздутые корпуса, круглясь, возносились к нависающему тяжелым куполом потолку, где в идеальной белой плитке зияло обширное круглое устье, по всей видимости, ведущее на далекую поверхность. Тавилу эти неповоротливые махины были знакомы, хоть он и видел их до сих пор лишь однажды, издавека: они поднимались из тоннелей Нижнего мира и уплывали прочь, к гори-

зонту. Кабины у них обычно были закрыты, но только не сейчас, и Тавил наконец-то смог заглянуть внутрь.

Он увидел точную копию своей комнаты там, внизу: кресло, стол, стены, испещренные кнопками. Почти все кабины были пусты, но кое-где за окнами виднелись горы человеческой плоти.

Они полетят на поверхность... стоит даже подумать об этом, и воздух уже кажется совсем иным на вкус. Словно бы каждый корабль приносит сюда, возвращаясь, кусочек того, Верхнего, мира.

Яростное желание накатывает на Тавила – стремление вырваться из этого механического мира и вернуться домой, к сестре. Тавил кидается бежать по платформе, наугад выбирает корабль, лезет вверх – и сталкивается с женщиной совершенно официального вида.

Она странно глядит на него, но потом взгляд скользит прочь. В голосе слышится подозрение:

– Пожалуйста, предъявите разрешение на выход.

Тавил не отвечает, и она снова смотрит на него.

– Мне просто нужно туда, на поверхность, – наконец выдавливает он.

На лице у женщины мелькает ужас, но она быстро берет себя в руки:

– Этот корабль следует в Карленд.

Стеснение внутри, посетившее Тавила еще вчера при мысли, что он навсегда заперт под землей, начинает снова расползаться по рукам. То ли вкус Верхнего мира на языке, то ли знание, что вот он – путь домой, на свободу из лабиринта Машины, делают свое дело, но бороться с ощущением, что его погребли заживо, уже совершенно невозможно.

Он сглатывает, потом еще – во рту совершенно сухо.

– Пожалуйста, – умоляет он, – пожалуйста, мне надо на поверхность.

В попытке вызвать сочувствие он берет женщину за руку.

Она мгновенно отшатывается, отвращение волнами пробегает по лицу.

– Ты забываешься!

Слова впиваются в воздух. Тавил инстинктивно делает несколько шагов назад. Он видит, как на шее у нее яростно бьется жилка.

Она больше ничего не сказала, не стала даже смотреть на него. Он ждал, ждал, надеясь, но в конце концов вынужден был вернуться тем же путем в маленькую белую кабинку и отсчитать кнопки назад, на свой уровень. Там он блуждал, пока не наткнулся на открытую дверь и отметину на стене, оставленную книгой.

В комнате все было по-прежнему, только картинка на стене показывала новый бесформенный комок плоти, сидящий в экипаже на фоне нового пейзажа. В воздухе почему-то слышался колокольный звон. Кнопки на одной из стен мигали. Когда он нажал одну, возник голос, спросивший, слушал ли он лекцию по Брисбенскому направлению в музыке и участвовал ли в проведенной Граубертом дискуссии о Плюисовской теории Французской революции.

Тавил просто стоял, ничего ровным счетом не делая, а кругом звонили колокола, и голоса требовали поделиться идеями, спрашивали его мнения о недавней лекции, болтали о новом аромате, добавленном в воду для купания, интересовались, понравилась ли ему новая посуда, в которой подавали еду.

Тавил сидит на стуле и слушает, выискивая в общем гомоне голос, сказавший: «Не надо им ничего говорить про поверхность». Голос больше не возвращается. Он думает об этих словах, о том, что они означали и почему были сказаны. Совет ничего не говорить подразумевал, что ему есть что сказать и что кое-что нужно бы оставить в тайне.

Но о чем вообще шла речь? Ничего такого особенного на поверхности нет: еда скудна; машины – просто давнее воспоминание и встречаются только в сказках для детей, из тех, что с моралью; жизнь там – не в том, чтобы сидеть на месте, а в том, чтобы двигаться, делать что-то для себя, для других. Жизнь *вместе* с природой, а не *против* нее.

Через некоторое время любопытство берет верх, и он сам задает вопрос голосам по ту сторону стен с кнопками.

– Расскажите мне о том, что Там, Наверху, – говорит он.

Тавил надеялся подкрасться поближе к неизвестному женскому голосу, спровоцировать его, заставить снова осадить, предупредить, наказать – вызвать его на прямой разговор.

Но если женщина и слышала его, то ничего не сказала. Зато сказали другие. В мгновение ока его завалили ответами: поверхность вся заморожена, она суха, она покрыта глубокими трещинами, полностью разрушена, совершенно необитаема. Она ни на что больше не годна. Там держат только отщепенцев-Бездомных, и это самое худшее наказание, какое только можно придумать.

Все, что ему говорили, – полнейшая чушь, но зачем нужно все это вранье, оставалось непонятным. Те, кто жил наверху, всегда знали, что Внизу есть Машина, есть огромные города под землей: почему бы и здешним не знать о поверхности правду?

Почему им ничего не известно о крошечных общинах, разбросанных по холмам; о людях, которые живут вместе с землей, а не прячутся под ней? Почему они не знают, что можно выжить и наверху, где не нужно Машины, чтобы было что есть и во что одеваться, где можно учиться и общаться без ее механической помощи? Может, жизнь там и нелегка, но зато честна и самодостаточна.

Теперь Тавил знал, как отключаться и прекращать нескончаемые переговоры, наводнявшие комнату, но он решил не делать этого. Наоборот, он кнопками вызвал кровать, приглушил свет, улегся и стал слушать. Слушать в темноте. И пытаться понять.

За ночь, пока Тавил спал, беседа успела уплыть на другие темы. Пробудившись, он попал как раз на дискуссию об историческом значении внутреннего водопровода в жилых помещениях. Голоса отвечали друг другу с пулеметной скоростью, ссылаясь в качестве источников на прослушанные лекции.

Тавил нажал кнопку и отключился, ища одиночества, но тишину тут же заполнило гудение Машины. Он вызвал голоса обратно, чтобы иметь хоть какую-то компанию.

Слушая их, он листал Книгу Машины, пока не нашел раздел о разрешениях на выход. Он тут же нажал нужную кнопку, подав заявку, и получил почти мгновенный отказ. Книга сообщила, что можно подавать одну заявку в день, так что он стал ждать.

На девяносто седьмой день под землей Тавил впервые забыл запросить разрешение на выход. Заметив это только на следующее утро, он немедленно нажал кнопку и сразу же получил свой отказ. После секундного разочарования он вернулся к стене и кнопкам.

День он уже распланировал: лекция по суматранским озерам, затем дискуссия по ним же, потом он обещал нескольким корреспондентам выслушать их идеи и поделиться своим мнением о них. Поначалу подобные приглашения казались ему нудными и бессмысленными, и он соглашался только со скуки.

Однако шло время, и он даже заработал себе что-то вроде репутации среди жителей подземных городов – за точку зрения, практически полностью не свою. Поскольку единственное, что он знал из первых рук, была жизнь на поверхности, а ее Тавил категорически отказывался обсуждать, все остальные его знания пришли от кого-то еще, через *посредников*. Он ничего ни о чем не знал напрямую; зато знал, что обо всем этом думали другие.

Вот из-за этой-то репутации Тавил становился все более и более востребованным. И получилось так, что постепенно, пока месяцы собирались в кучи и превращались в годы, он

все меньше времени проводил вне комнаты, бродя по тоннелям в поисках женщины с кожей, как у него, – или в поисках пути на поверхность.

Все больше дней он передвигался только от кровати до кресла, и ноги его со временем – а оно шло неспешно – слабели, а тело круглилось. Редко-редко он вспоминал сестру, оставшуюся возле устья вентиляционной шахты. Это было так давно. Когда воспоминания о верхней жизни вторгались в его разум, его аж передергивало: слишком много пустоты, дикого, неосвоенного пространства. А еще насекомые, перепады температуры и освещения, постоянно какие-то трудности вроде поиска пищи и утилизации отходов.

Тут он обычно вспоминал, сколько удобства дает Машина, насколько проще и приятнее существовать в этой милой маленькой комнате, где любые нужды удовлетворяются нажатием кнопки.

Впрочем, иногда, в приступе ностальгии, Тавил думал взбунтоваться и двинуть на поиски приключений, как когда-то, в первые свои дни под землей. Он подъезжал на кресле к двери и вызывал экипаж, ругаясь на унизительную необходимость идти до него пешком. Поднявшись на лифте на верхний уровень, он вызывал другой экипаж и ехал в нем по платформам, глядя на воздушные корабли и воротя нос от вони, которой от них несло.

Он думал о своем первом визите сюда много лет назад. Он снова ощущал, как кладет руку на руку женщины-служащей, и сам содрогался от гадливости и смущения. Как это нецивилизованно – искать физического контакта! Искать вообще чего бы то ни было вне Машины!

Чаще всего он таскал Книгу Машины с собой на эти вылазки: ему было неуютно и тревожно без возможности в любой момент потрогать обложку и пробормотать: «Благословенна Машина!» – эхом слов, оттиснутых на титульном листе. К тому же не носить с собой постоянно Книгу означало навлечь подозрения в антимеханизме, а это уже каралось статуем Бездомного.

Просто по обязанности, ощущение которой становилось, впрочем, все слабее, Тавил продолжал подавать на пропуск наружу. Иногда проходила целая неделя или даже месяц, а он ни о чем не вспоминал. Но потом какая-то мелкая зацепка – лекция о Семи Холмах Уэссекса или объявление о закрытии такого-то воздушного маршрута – возвращала все на круги своя, и он послушно жал на кнопку заявки.

Каково же было его удивление, когда в один ничем не примечательный день вместо обычного и ожидаемого отказа пришло подтверждение. В доказательство этого кнопка у двери засияла зеленым. Оставалось только нажать ее, и дверь открылась бы, за нею ждал экипаж, который доставил бы его на верхний уровень, где его снабдили бы маской, а еще одна узкая дверь привела бы в ведущий на поверхность вестибюль.

Тавил не двигается. Он сидит в кресле, голоса друзей заглушают гудение Машины. Тавил пытается понять, что делать с этой новой информацией.

Самая мысль выйти на поверхность ему противна. Прошли годы с тех пор, как он был там последний раз – ночью, вместе с сестрой, рысая возле входа в тоннель. Сумеет ли он отыскать дорогу в деревню? Узнает ли его там кто-нибудь? Тавил закрывает глаза и пробует представить себе, каково это было бы – вернуться туда. Много свободного места, тишина, серый туман обволакивает все, чего ни коснется.

Сердце у него несется вскачь от одной только мысли, мускулы сводит. Без стен этой комнаты куда он спрячет свое тело, свой разум и душу? Что укроет его, сбережет, защитит? Зачем ему снова этот мир – Там, Вверху?

Никто не станет его одевать и кормить, никакие кнопки не вызовут по волшебству свет и музыку, ванну и постель. Вся цивилизация теперь здесь, в Машине, думает он.

В пучине волнения он тянется за Книгой Машины; ее тяжесть в руках дарует мгновенный покой. Тавил нажимает кнопку (специальную, на случай плохого самочувствия), и с потолка спрыгивает аппарат, который проверяет ему пульс, температуру, давление, дыхание. Из пола поднимается столик с чашкой, и Тавил безо всякой лишней мысли глотает прописанное Машиной лекарство.

Он вызывает кровать и включает изоляцию. В темноте и тишине он слушает, как кругом тихо гудит Машина: сверху, снизу – повсюду, словно материнская утроба. Он таращится на зеленую кнопку у двери до тех пор, пока это не становится совсем невыносимо, после чего поворачивается на другой бок и засыпает, уверенный, что Машина о нем позаботится, присмотрит за ним, защитит от всего – пока в один прекрасный день не дарует ему мило-сердную смерть, чтобы другой мог занять его место.

Зеленая кнопка неделями горела у Тавиловой двери. Независимо от того, было ли в комнате темно или светло, был ли сам Тавил дома или нет, спал он или бодрствовал. Она превратилась в настырный зуд, до которого никак не достать, не дотянуться, навязчиво напоминавший, каково это было – спать Там, Наверху. Где, как ты ни укладывайся, а тюфяк все равно набит песком, который врезается в кожу и гонит прочь сладкое забытие.

А тут простыни только что не скрипят от идеальной, всепоглощающей чистоты. За все свои годы под землей он ни разу не нашел ни пятнышка на постельном белье. Грязи Здесь, Внизу, не существует; в ней попросту нет нужды.

И все-таки каждый раз при мысли отказаться от пропуска наверх, он находил какие-то причины повременить. Он говорил себе, что сегодня, увы, слишком занят; завтра, возможно, ситуация изменится.

Один раз он даже открыл дверь и заказал экипаж, но бездна между порогом и машиной оказалась так велика, а мысль об избыточном движении так мучительна, что он вернулся на предыдущие позиции – к креслу, кнопкам, корреспондентам и лекциям.

Жизнь в Машине текла обычным чередом. Зеленая кнопка слилась с привычным фоном бытия, как до нее – отметина рядом с дверью, где в свое время большая книга повстречалась со стеной. Тавил научился игнорировать такие вещи: одно только воспоминание о том, что он сделал с Книгой Машины – запустил ее через всю комнату, так что она ударилась и рассыпалась, – заставляло его ежиться от стыда и боли. Как вульгарно, как нечестиво! Какое непростительное варварство!

В конце концов, решение по поводу пропуска наверх приняли за него. Центральный Комитет Машины пришел к выводу, что в визитах на поверхность нет никакой необходимости, так как там больше нечему учиться. Он отозвал все оставшиеся пропуска, на том дело и кончилось. Зеленая кнопка померкла и вовсе погасла, и Тавил улыбнулся даже с некоторой грустью, на мгновение задумавшись о том, как, наверное, мило было бы повидаться с сестрой... а потом приступил к своей лекции по Семи Холмам Уэссекса.

Тавил спал, когда начался этот звук. Он проник к нему в сон и был совсем новым – звук, которого не бывает в Машине. Тавил сел в кровати. Включать свет не понадобилось: за последние недели в Машине что-то изменилось: теперь его комната постоянно плавала в сумерках, и неважно, сколько раз ты нажмешь на кнопку или пожалуешься в Центральный Комитет.

Звук не унимался. Тавил с трудом загрузил себя в кресло и поехал на нем через всю комнату туда, откуда шел звук, – к двери.

В дверь кто-то стучал с той стороны, словно пытаясь привлечь его внимание. Легкий пот выступил у Тавила на лбу и под мышками: какая-то другая личность явно пыталась инициировать прямую физическую коммуникацию с ним.

Тавил думает наплевать на стук и, пожалуй, лучше вызвать ванну, чтобы смыть оскорбительные выделения. Но в последнее время купальная жидкость что-то слегка холодновата и самую малость вонюча, так ему кажется.

Пока он все это думает, стук продолжается, переходит прямо-таки в грохот, Тавил протягивает руку к кнопкам... и замирает в нерешительности, потому что забыл, которая из них открывает дверь – слишком давно он ею не пользовался.

Дверь тем не менее открывается; перед Тавилом стоит женщина. Экипажа в коридоре нет, и Тавила охватывает слабость уже при одной только мысли, сколько сил она потратила на то, чтобы добраться до его комнаты. Она стоит сразу же за порогом, и хотя прошло столько времени, он мгновенно ее узнает: длинные волосы раскачиваются от малейшего движения; ноги достаточно сильны, чтобы нести ее, куда она захочет; темные пятнышки рассыпаны по позолоченной солнцем коже.

Она – с поверхности. При виде Тавила тень отвращения пробегает по ее лицу. Женщина открывает рот, и при первом же звуке ее голоса Тавил оказывается в том самом первом дне под землей, когда она сделала первое и последнее предупреждение: *не надо им ничего говорить о поверхности*.

Тавил судорожно пытается вспомнить, что полагается делать в таких ситуациях. Наверное, есть какие-то приветственные слова, которые нужно сказать, сделать какой-то специальный жест... Так ничего и не вспомнив, он просто сидит и смотрит на нее.

– Машина останавливается, – сказала женщина.

Тавила словно подбросило; по всему телу раскатилась тревожная дрожь. Он потянулся за Книгой Машины, ища утешения в ее тяжести, но понял, что оставил ее на столе у кровати. Пальцы панически забегали, но ухватиться им было не за что.

– Говорить такое – кощунство, – сообщил он женщине.

– Да мне плевать, – отвечала она. – У меня друзья в других городах – везде видны знаки. Теперь это только вопрос времени.

Но Тавил не желал ей верить.

– Невозможно. Ни в одной лекции подобное не упоминалось. И потом – Машина всемогуща, она не может остановиться.

Ее губы забавным образом изогнулись.

– Да хоть бы и так. Машину сделали люди, но она давно уже вышла за пределы их понимания. Никого не осталось, кто знал бы достаточно об общей системе, чтобы суметь ее починить.

Тавил фыркнул.

– Разумеется, Машина починит себя сама.

Женщина покачала головой.

– Не починит. Генератор уже отказывает, скоро посыплется и остальное. Те, кто останется Внизу, задохнутся. Пора выбираться на поверхность – это единственный шанс выжить.

Капелька пота побежала по Тавиловой щеке. Желание схватиться скорее за книгу было таким сильным, что Тавила почти трясло. Слова женщины начали протискиваться поглубже в сознание, подцепляться к недавним фактам, выстраивать цепочки, обретать значение и смысл. Все эти мелкие щелчки и заминки в течении повседневной жизни, которых никогда не случалось раньше... такие незаметные, но слишком вездесущие, чтобы продолжать их игнорировать: не реагирующие, как надо, кнопки, задержки с ремонтом, какая-то внезапная дрожь в стенах...

Все говорило в пользу вестей, принесенных женщиной.

– Почему вы мне все это говорите? – спросил Тавил.

Она опустила на корточки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

– Ты с поверхности, как и я. Здесь есть еще наши – только мы знаем, как жить Наверху. У нас больше шансов выжить без Машины.

– Идем с нами, – сказала она и, подавшись вперед, взяла его за обе руки.

Прикосновения оказалось достаточно, чтобы Тавил отпрянул и, нажав кнопку, отъехал вместе с креслом прочь, подальше от нее.

– Вы забываетесь!

Он вытер руки об одежду, словно можно было как-то уничтожить, стереть ощущение чужой живой плоти, вошедшей в *прямой физический контакт* с его собственной.

Качая головой, женщина встала.

– Ты умрешь тут.

В ответ Тавил нажал кнопку. Дверь закрылась, надежно спрятав его в убежище. Тавил выехал на середину комнаты, но изоляцию не отключил. Он сидел и смотрел на руку, которая помнила тепло чужих пальцев.

Какая-то его часть, очень маленькая, когда-то умела взбираться на деревья и целые мили шагать пешком по поросшим травой равнинам. Эта часть знала, что женщина сказала правду, и правду эту приняла. Сказанное объясняло и свет, и купальную жидкость, и почему его любимая музыка временами вставала на паузу или икала, чего с ней раньше никогда не случалось. Когда он нажимал кнопку доставки еды, еда теперь не всегда приезжала сразу, а кровать пару раз поднималась из пола смятой и незаправленной, словно он только что встал.

Когда Тавил был совсем еще мальчишкой, его родители и родители его родителей предсказывали, что городам Машины однажды наступит конец. Они рассказывали ему о предках, которых объявили Бездомными и изгнали из Нижнего мира после какого-то бунта и которые с тех пор выбрали жить естественной честной жизнью на поверхности. Предки оставили им в наследство знание о том, что технология – скорее проклятие, чем дар. Она портит человека и делает его самодовольным.

И Тавил им верил. Он презирал живущих под землей и ждал того дня, когда из-за вечной погони за комфортом они пожрут себя сами. Вот за этим он и полез в шахту тогда, давным-давно: чтобы увидеть Нижний мир своими глазами, пока тому не пришел неизбежный конец; чтобы обрести знание о Машине – не от кого-нибудь, а из самых что ни на есть первых рук – и передать его будущим поколениям как предупреждение: никогда, никогда не давать себе снова пасть в эту бездну.

Но родители ошибались. Сам он ошибался. Здесь, Внизу, – прогресс, эволюция. Здесь жизнь в самой своей продвинутой фазе – бытие ради чистых идей, ради очищения души!

Тавил берет Книгу Машины и подносит ее к губам. «Благословенна Машина», – тихо шепчет он, целуя обложку. Вот оно, живое, осязаемое доказательство правды, в которой взрослые отказали ему Там, Наверху, ибо воистину есть сила бо́льшая, чем человек.

Эта мысль утешает его, убаюкивает, изгоняет предательскую дрожь, иссушает скопившийся под немногими его последними волосами пот. Тавил закрывает глаза и ощущает гудение Машины, окружающее, обволакивающее, заботливое, защищающее. Он – ее часть, отныне и присно.

Если миру чудесной Машины прогресса суждено погибнуть – да будет так. Тавил знал о неизбежности этого момента с тех самых пор, как отпустил последнюю ступеньку лестницы и спрыгнул вниз, в искусственный свет. И он не покинет ее теперь, не вернется к прежней жизни, полной жертв и мук.

От него слишком многого хотят. Нет, он лучше проживет свои последние мгновенья Тут, Внизу, во чреве Машины, чем целую вечность – Там, Наверху, вдали от ее безмятежного жужжания.

Тавил хранил абсолютную веру в Машину – до самого конца. У него были свои ритуалы, и он строго им следовал: первым и последним словом каждый день должна быть Мантра Машины; трижды целовать обложку перед тем, как открыть, и после того, как закрыть Книгу; следить за тем, чтобы она никогда не касалась пола, а корешок не был обращен к двери.

Что-то из этих привычек он приобрел сам с течением времени, другие позаимствовал от прочих верующих. Даже после того как отказала медицинская система, прекратили функционировать лифты, купальная жидкость сгнила, а кровати перестали появляться из пола, Здесь, Внизу продолжались духовные практики.

Если уж на то пошло, все это лишь раздувало пламя Тавиловой веры в Книгу, ибо доказывало всемогущество Машины.

Потом, последней судорогой гибнущего мира, рухнула система связи. Тавил знал, что многие вокруг вышли из комнат и теперь толпами собирались в коридорах и на платформах. В отличие от него, они не знали о неизбежности этого дня; они не молились, не ждали.

Они не ведали своей судьбы так, как ведал ее он.

Мысль присоединиться к одной из этих групп была ему гадка. Вспоминая, как последний раз вступал в прямой физический контакт с человеческим существом, он до сих пор вытирал руки об одежду: та женщина с поверхности возвестила ему этот день и искушала отринуть все, во что он верил, ради жизни, которой он не желал; женщина, сулившая ложное спасение из мира, который он так любил.

В эти последние мгновения Тавил думал о сестре, Прие, оставленной Там, Наверху. Он рисовал перед мысленным взором ее лицо – на фоне звезд, каким увидел его тогда перед спуском Вниз. Что за жизнь она прожила, постоянно терзаемая унижительными потребностями человеческого тела – в еде, в крове, в прикосновении других? Никакого времени для души, редкие проблески мирного созерцания.

И его жизнь сложилась бы так, не увидь они случайно фонтан пара, бьющий из земли, и небольшую вмятину там, где человек Снизу топтался вокруг старой вентиляционной шахты, и не реши Тавил ухватить за хвост шанс своими глазами увидеть мир Машины.

Какой пустой и никчемной оказалась бы жизнь, проживи он ее Наверху.

Тавил сидит в кресле посреди комнаты. Моторчик в основании кресла отказал еще вчера, и с тех пор Тавил не двинулся с места. Света тоже больше нет, но, несмотря на это, Тавил листает страницы Книги, ощущая пальцами тонкость бумаги. Ему не надо видеть, что там написано – свои любимые фрагменты он заучил наизусть много столетий назад.

Когда Машина останавливается, наступает ничто. Стены прекращают вибрировать, неизбывный гул наконец затихает. Умиротворенный и утешенный вечным своим поклонением чудо-Машине, Тавил бормочет про себя строчки из Книги.

Иначе в мире стало бы слишком тихо.

Примечание автора

Когда я впервые прочла рассказ Эдварда Форстера «Машина останавливается», сюжет показался мне совершенно прямолинейным и постапокалиптическим: поверхность планеты стала необитаемой, человечество вынуждено уйти под землю, в города, где все без исключения контролирует Машина. Но чем больше я перечитывала эту историю и чем больше над ней думала, тем явственнее передо мной вырисовывалась работа настоящего гения. Она не только заставляла читателя хорошенько призадуматься о роли технологии в нашей жизни, но и рисовала живой портрет веры и того, как легко она превращается в поклонение Вещи, за которой сама вера безнадежно теряется. В своем сюжете Э.М. Форстер ведет персонажей

к совершенно определенному выводу, помогающему, в конце концов, понять и принять свои ошибки. Именно об этом я решила написать сама.

В рассказе Форстера есть эпизод, когда один из персонажей поднимается на поверхность по старой вентиляционной шахте и впоследствии вспоминает: «Мне почудилось, что нечто темное стремительно пересекло лощину и исчезло в колодце». Тут и начинается мой рассказ. Что, если «нечто темное» на самом деле было человеком с поверхности? И что, если он попался в ловушку внутри Машины?

«Дочь короля Эльфландии» (1924). Ирландский писатель лорд Дансени опубликовал за свою жизнь более шестидесяти книг: сборники рассказов, детективы, пьесы, эссе, автобиографию, а также несколько романов, лучшим из которых, бесспорно, стала «Дочь короля Эльфландии». Его проза, экспрессивная и необыкновенно причудливая, оказала влияние на Г.Ф. Лавкрафта, Джека Вэнса и многих других писателей. Едва начав читать этот роман, я понял, что окончательно и бесповоротно зачарован слогом Дансени. И в дальнейшем, на протяжении еще многих лет, его своеобразный лиризм находил заметный отклик во всех моих работах.

На этой иллюстрации изображен Алверик, принц долины Эрл. Отец-король отправил его в Эльфландию за толикой магии, которая могла бы расцветить жизнь его подданных. Колдунья Жирондерель вручает принцу волшебный меч, выкованный из молний, которые Алверик собрал в грозу у нее на огороде среди капустных грядок. После множества приключений принц возвращается в родные края с дочерью короля эльфов Лиразелью... и вскоре все в его королевстве узнают, каково это – когда магии в твоей жизни становится слишком много.

Чарльз Весс

The King of Elfland's Daughter

«Дочь короля Эльфландии»

Скучно быть богиней Гарт Никс

Это случилось год назад или чуть больше, насколько я помню. Я возвращался из Ортаона: ездил туда обсуждать книгопечатные работы в монастыре, где это высокое искусство и зародилось. У них до сих пор стоит очень старый пресс и работает преотлично, только вот рассчитан он был на рабскую тягу. Но теперь рабство отменили, и предстояло снять со станка целый ряд элементов, предполагавших *механическую стимуляцию*, – а это, я вам скажу, непростая задача. Чертежи-то все давно потеряны, так что о назначении некоторых узлов оставалось только гадать.

Что? Нет, конечно, нет. Я там был не в качестве механика. Я писал отчет о переоборудовании – думал, он выйдет довольно любопытным. Пригодится для одной из столичных газет, а нет, так возьму его главой в книгу, которую как раз начал составлять: всякие интересные механизмы, колдовские предметы и тому подобное.

Да вы и сами могли бы накопать с дюжину увлекательных страничек, господин Кукол. Слышал я о вас, слышал. Даже и читал, если память мне не изменяет. То есть читал о некой колдовской кукле, обладающей поразительным сходством с... где читал? Да, в работах Роргуля и в «Анналах» у Призма. Разумеется, сэр Гервард, там и вам могли бы отвести немало страниц, никак не меньше, чем мастеру Фитцу, надо думать. Но вы предпочитаете осторожность и скрытность, я это уважаю. Нет-нет, я *буду* осторожен и не стану писать *обо всем вообще*, без разбору. Да, я осведомлен о вероятных последствиях, в этом нет нужды, мой добрый рыцарь... если вы не против, я бы чуть отодвинулся от этого вашего... неприятно холодит горло, знаете ли, и выглядит бесподобно острым. В самом деле? Каждое утро без выходных по сто раз каждую кромку лезвия, а потом на правильном ремне? Боже, я и понятия не имел. Да я мою бритву так не лелею, хотя у нее, пожалуй, будет поменьше практики... Нет-нет, ничего я не тяну. Имейте терпение. Угрозы меня, поверьте, не вдохновляют, ни вот столечко.

Как я уже говорил, я возвращался из Ортаона, воспользовавшись услугами Регулярной Безостановочной Тележной дороги. Ехал я в третьем вагоне, потому что терпеть не могу запах моклеков. Кстати, о бритвах: представляете, что это, должно быть, за каторга – брить моклеков? Хотя мне говорили, с ними это достаточно сделать один раз за всю жизнь, а потом шкуру смазывают специальным жиром для предотвращения повторного роста. Да, один раз и одновременно с самой бесчеловечной операцией на свете, хотя *там* для предотвращения повторного роста делать уже ничего не надо. Ха-ха. Интересно, что дикие мамонты весьма по-доброму привечают беглых моклеков – вроде как двоюродных братьев, у которых жизнь не сложилась. Уж куда лучше, чем мы – своих дальних родственников, скажу я вам.

Так вот, я ехал в третьем вагоне – по собственному, прошу учесть, выбору, а вовсе не из-за нехватки средств, хотя да, вынужден отметить, и стоимость проезда, и комфорт от головы поезда к хвосту стремительно убывают. Как это нередко случается, мы вдруг остановились: сами понимаете, «безостановочная» – это только название. Соседей у меня не было, и, хотя день клонился к вечеру и света категорически не хватало, я вынужденно занимался корректурой – правил гранки, испорченные тупоголовым наборщиком из «Регулшим Трубо-Цвайнд»... ну, вы знаете, эта недавняя история с племянником архимандрита Фульвекского, который пытался... ай, прекратите немедленно!

Я уже говорил, понукать меня не требуется. Я всего лишь хотел сделать лирическое отступление, совсем короткое. Вы, между прочим, могли узнать кое-что интересное. Так вот, внезапно в купе стало гораздо светлее. Я было подумал, что солнце наконец решило

выйти из-за мерзких облаков, угнетавших нас с самого утра, но источник света оказался и меньше размером, и гораздо ближе. Сияние исходило от лица примечательно красивой особы, которая как раз подошла к двери моего купе и теперь глядела сквозь окно внутрь. Очень хорошее, отличное окно; они в Ортаоне умеют делать стекло превосходного качества, никаких тебе пузырьков или искажений. В общем, я видел ее совершенно ясно.

– Молю вас, постойте там минуточку! – возопил я, поскольку свет оказался мне как нельзя более кстати. Гранки были такие путаные и набраны таким мелким шрифтом, что одну сноску я вообще никак не мог прочесть, как ни старался. Дама, однако, проигнорировала просьбу и вместо этого открыла дверь и вступила в купе. К вящей моей досаде она еще и пригасила свет, изливавшийся не только от ее прекрасного лица, но и с каждого дюйма открытой кожи. А дюймов этих, надо сказать, моему взору предстало немало, так как на даме оказалось лишь шелковое одеяние, именуемое в этих краях *рукож*, но также известное как *кубджем* и *атануз*. Уверен, вы понимаете, о чем речь: такой чрезвычайно длинный и широкий кусок шелка, обмотанный вокруг груди и подвязанный спереди и сзади, так что ниспадающие свободные концы образуют нечто вроде открытого табарда, коий благополучно покрывает нижние регионы, если только ветер внезапно не подует или носительница не решит сделать порывистое движение – ну, скажем, ворваться в купе поезда Регулярной Безостановочной.

У нее оказались изумительные ноги. Я успел полюбоваться ими пару секунд, после чего гостя сама прервала ход моих мыслей, признаюсь, упорно дрейфовавших в сторону нас двоих, оказавшихся наедине в вышеозначенном купе, и внутренних штор, которые неплохо было бы опустить, и того, почему такая красивая и сиятельная особа вдруг решила зайти именно в мое купе, хотя, в целом, нет совсем ничего необычного в хорошеньких дамах, кидающихся... вы почему хихикаете, сэр рыцарь? Отнюдь не всем женщинам нравятся рост и пышные усы, и эта очевидная фаллическая гиперкомпенсация в виде одержимости холодным оружием... да-да и кинжальчиками вроде этого в том числе. Нет, я не хочу, чтобы мне им проткнули руку, спасибо большое. Эта рука, между прочим, подарила миру сто... ну, хорошо, девяносто книг – и подарит еще больше! Спасибо, господин Кукол. Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы помогли вашему... товарищу, держать себя в руках.

Итак, она вошла в мое купе, прекрасная, сияющая и полуголая. Явно какая-нибудь колдунья, решил я, или даже жрица. Возможно, служительница Дадж-Онх-Арбот – у них есть обыкновение примерно вот так же светиться изнутри. Сами понимаете, я тогда понятия не имел, что она собой представляет.

Дама тем временем улыбнулась мне, подмигнула и уселась на подушки напротив.

– Скажи им, что никого не видел, и положи меня в карман, – распорядилась она, впрочем, довольно знойно и многообещающе. – И будет тебе счастье.

– Кому сказать... – начал я, но тут она съежилась прямо у меня на глазах, и буквально через миг на сиденье передо мной вместо сияющей женщины покоилась маленькая статуэтка из нефрита или еще какого-то зеленого камня, размером с мой большой палец. Как вы, без сомнения, понимаете, я человек бывалый и успел повидать в этой жизни куда больше других, но такое даже мне было внове. Я взял фигурку и поразился еще больше, на сей раз тому, какая она холодная – холодная, как шарик льда у торговца холодом; их тут много можно встретить на улицах – предлагают свой товар для охлаждения напитков, а бывает, что и горячих голов.

Ну, я и положил ее в карман, в самый глубокий внутренний карман верхнего платья, где я держу разные карандаши, чернильный камень и прочие причиндалы писательского ремесла. И весьма вовремя, так как снаружи тут же началась какая-то возня, залязгало оружие и раздался обычный и совершенно, как правило, излишний ор профессиональных военных, а с ним и рев ездовых животных и всякий тому подобный шум. Оставалось сделать вывод, что прибыла некая сила, намеренная воспрепятствовать нормальному движению

транспорта и обеспечить нам еще большее опоздание – и, увы, я оказался совершенно прав. Меня все это отнюдь не обрадовало – и еще того меньше, когда бравая кавалерия ударом ноги распахнула дверь в мое купе и принялась размахивать холодным и огнестрельным оружием прямо у меня перед носом, при помощи эмфатических жестов и странного горлового порывания требуя, чтобы я сей же час сошел с поезда.

Я, естественно, отказался, поставив агрессорам на вид существование целого ряда междугородных соглашений, гарантирующих неприкосновенность пассажиров Регулярной Безостановочной Тележной дороги, а также тот факт, что, нарушая эти самые соглашения, они рискуют развязать войну по меньшей мере с тремя городами-государствами и королевством Арут в придачу (хотя и расположенным довольно далеко отсюда, на конечной станции), и притом не только с вышеуказанными политическими структурами, но и с компанией-учредителем Регулярной Безостановочной, которой, на тот случай, если кто забыл, является Наищедрейший Орден Святой Коммерции, повсеместно известный не только беззастенчиво узкокорыстной манерой ведения бизнеса, но и монополией на хрупкий мускатный орех – изначальный источник богатства ордена, которое, по забавному совпадению...

Ваши поползновения, сударь, затягивают развязку повествования куда больше, чем мои невинные общеобразовательные экскурсии. Но протесты мои тщетны – как тщетны они оказались и тогда, с солдатами. После того как меня силой выволокли из вагона, я понял, что на самом деле вся эта компания – сплошь глухонемые, повинующиеся исключительно языку жестов, который, естественно, был мне неведом и включал в том числе и систему щелчков пальцами. На нем объяснялся их офицер – судя по плохо подогнанной кирасе из пушечной бронзы и поломанным перьям на шлеме, куда больше жрец, чем солдат. И правда, доспех он напялил поверх ризы аквамаринового оттенка с серебряной стежкой и виднеющимися там и сям серебряными же пуговицами с двумя женскими головками: одной глядящей влево, а другой – вправо, причем, кажется, на общей шее. Я не то чтобы немедленно узнал униформу... вообще-то в долине Толлуким полно богов, а у некоторых из них еще и не по одному ордену последователей.

– Вы Ее видели? – заглавная «Е» так и маячила на фоне прочих букв в его вопросе.

– Кого?

– Богиню.

Заглавная «Б» тоже очень явственно выделялась.

– Какую богиню?

– Нашу Богиню. Пикниль-Юддру Сияющую.

Вынужден признать, после такой характеристики нефритовая статуэтка у меня в кармане стала вдруг как-то гораздо тяжелее, а сердце словно сдавило холодным кольцом. Впрочем, я и виду не подал, искусно скрыв заодно и некоторый дискомфорт, начавший распространяться в области моих недр.

– Правильно ли я понимаю, что вы упустили богиню? – вальяжно зевая, осведомился я у офицера. – Боюсь, я никогда не слышал о вашей Пикниль-Юддре. Надеюсь, вы не станете слишком сильно задерживать движение?

– О Пикниль-Юддре Сияющей, – поправил меня он, строго нахмурившись. – Вы крайне невежественны, ибо наша Богиня есть свет немеркнувший, озаряющая город Шривет и – мили и мили земель вокруг него!

– Шривет... Шривет... – вслух задумался я. – Погодите, так он же в сотне лиг отсюда. Надо думать, ваше освещение так далеко не достает? Сдается мне, мы тут подлежим юрисдикции бога города Терелла, Великого Крота Грызу-Грыза?

Божка-крота я выдумал тут же, на месте, из чистой вредности. Наша часть мира так наводнена мелкими божествами, что их все равно никто не упомянет, а раз солдатики прибыли из далекого Шривета, они даже и шутки не поймут.

– Другие боги нас не интересуют, – отрезал офицер. – Только наши собственные. Она должна быть где-то тут, ее колесница опередила нас всего на час.

– Колесница? – переспросил я, озираясь в надежде узреть ее.

Мне и в самом деле было бы любопытно взглянуть, в каких экипажах разъезжают сияющие богини. Интересно, у них там есть мотор? И если да, то какой? А если нет, то кого в них запрягают?

– Потерпела крушение с пол-лиги отсюда. Но рядом с путями этого... этой...

Он беспомощно ткнул пальцем в череду вагонов Регулярных Безостановочных и в запряженных вереницей десятых моклеков. У головы каждого стоял махут; охрана поезда пилилась из своих паланкинов на развернутый храмовой стражей обыск не то с поразительным равнодушием, не то с куда более вероятной робостью – во всяком случае, вмешиваться явно не спешила. Возле последнего вагона толпилось еще больше охранников во главе с самой верховной кондукторшей – эти чувствовали себя еще вольготнее и, кажется, даже угощали еще одного жреца-офицера вином.

– Это называется Безостановочная Тележная дорога, – просветил я своего собеседника. – Хотя, как видите, она вряд ли безостановочна, да и моклеки тянут не телеги, а довольно-таки роскошные вагоны. Думаю, когда-то все начиналось именно с телег, перевозивших обычные, в основном продовольственные, грузы из Дурлала в Ортаон и товары ремесленного производства – в обратном направлении...

Как и следовало ожидать, расширение кругозора в планы офицера не входило, так что он весьма невежливо меня прервал.

– Так вы видели Богиню?

– Понятия не имею, – сказал я. – Я путешествую в купе один – о, благословенная роскошь! – но, признаюсь, время от времени выглядываю из окна и, пожалуй, видел по дороге нескольких женщин.

– Вы бы не приняли ее за смертную женщину, – рассердился офицер. – Она блистает добродетелями, свет ее незыблем, ибо она есть звезда путеводная для алчущих праведного пути!

– Нет, ничего похожего на этот портрет я точно не встречал, – даже с некоторым сожалением сказал я.

К этому времени стало ясно, что, хотя всех пассажиров повыгоняли из купе, никаких индивидуальных обысков никто не проводил. Поскольку богиню в поезде не обнаружили, общая атмосфера несколько разрядилась. Шансы, что при мне найдут нефритовую статуэтку, плавно стремились к нулю, и, замечу, приключения блудной богини уже интересовали меня куда больше ее физической привлекательности.

– И часто ваша Богиня предпринимает... незапланированные вояжи?

– Пикниль-Юддра Сияющая никогда не покидает стен города, – гордо отбрил меня офицер. – Только Юддра-Пикниль Темная может странствовать за его пределами.

Надо думать, некая тучка пробежала по моему челу при этих словах. Обсуждать локальных божков с их священнослужителями подчас бывает нелегко. Впрочем, вся эта история о богине, которая вовсе не сбежала, а может быть, и сбежала, но под другим именем, нисколько не противоречила традиции: как правило, божества не слишком стремились соответствовать жреческим учениям и священным текстам.

– Не уверен, что вполне вас понимаю, – сознался я. – В данный момент вы в сотне лиг от Шривета ищете богиню, которая никогда не покидает города, но при этом есть другая богиня, которая гуляет, где ей вздумается, но вы ищете не ее?

– Это богини-близнецы Дня и Ночи, – сообщил мне офицер. – Пикниль-Юддра Сияющая никогда не покидает города, а Юддра-Пикниль Темная никогда не входит в него,

за исключением определенных празднеств. Неделю назад мы обнаружили, что храм стоит пустой, стража перебита, запоры взломаны, а Пикниль-Юддры Сияющей в святилище нет.

– Иными словами, вы ищете Пикниль-Юддру Сияющую?

– Мы ищем богиню в обеих ее ипостасях, – с достоинством отвечал офицер. – Ибо, возможно, это Юддра-Пикниль Темная сумела изгнать Пикниль-Юддру Сияющую из храма в извечной борьбе Их за души жителей города.

– Понятно-понятно, – сказал я, хотя единственное, что мне было понятно, так это то, что передо мной торчит очередной чокнутый священник, принадлежащий к очередной чокнутой иерархии, власть которой зиждется на силе, черпаемой от очередной инореальной интрузии, антропоморфизированной в результате длительного общения со смертными. Да, в отличие от подавляющего большинства обитающих в этом мире обманутых слепцов, я не считаю их ни богами, ни даже божками. Существует теория, что, окажись кто-нибудь из смертных на каком-либо ином плане бытия, он бы тоже обрел там силы и атрибуты, которые местному населению показались бы вполне божественными. Однако я имею честь говорить с господами, которые знают куда больше моего, – если, конечно, вы те, кем я вас считаю, посланники древней конвенции... А вот вы – настоящий варвар, сэр рыцарь, если хотите променять цивилизованную беседу на эти ваши, как вам угодно их называть, голые факты. Тем не менее я продолжаю.

Дальше было не очень интересно. После небольшого спектакля на тему допросов и обысков воинственные священнослужители отбыли, и караван двинулся дальше. Вскоре после того, как стихли крики махутов, а моклеки восстановили свой неуклюжий аллюр (так что весь наш транспорт припустил с поистине замечательной скоростью, только чуть-чуть медленнее размашистого шага тренированных боевых животных) в кармане у меня началось какое-то шевеление. Запустив туда руку, я извлек нефритовую статуэтку и разместил ее на сиденье рядом с собой, где буквально тотчас же она вновь обратилась пленительной женщиной (вернее, богиней), и, приглушив свое сияние сразу же, теперь лишь загадочно мерцала, будто перламутр, какой встречается в самых лучших устрицах, способных подарить миру жемчужину.

– Итак, передо мной беглая богиня, – непринужденно обратился я к ней. – Надо думать, некая Пикниль-Юддра Сияющая?

Богиня расправила складки рукожа – не из скромности, насколько я мог судить, а для того, чтобы подать свои несравненные бедра в еще более выгодном свете.

– Не глупи, – строго сказала она. – Конечно, я Юддра-Пикниль Темная. Но ты можешь звать меня просто Юддра.

– Что-то вы странное говорите, – заметил я. – Тот жрец сказал, что это ваш, мнэ-э-э, двойник...

– Сестра, – поправила меня Юддра. – Считаю, что мы близнецы.

– ...что это ваша сестра покинула свою обитель и пустилась в странствия. И потом, если вы Тьма, то с какой стати вы светитесь?

– Между нами нет никакой разницы, – отвечала богиня, потягиваясь и простирая руки к мягкому стеганому потолку (их делают мягкими последние двенадцать лет – рискну проинформировать: с тех пор как самым досадным образом перевернулся вагон, в котором изволил ехать Принц-Инципиент Этемский; потолки тогда были куда тверже, и корону потом пришлось свинчивать у него с ушей). Так вот, богиня потянулась, и у меня, признаюсь вам, от этого зрелища перехватило дыхание. Я придвинулся к ней, но каково же было мое разочарование, когда рука прошла прямоком сквозь талию, которую я надеялся обнять! Юддра оказалась не вещественнее струйки пара.

– Между нами нет никакой разницы, – повторила богиня. – За последние тысячелетия мы уже много раз менялись ролями. Иногда я сижу в храме, иногда Пикниль.

– Но теперь, выходит, вы обе гуляете, – сказал я, пытаюсь поднести ее левую руку к губам, чтобы запечатлеть на ней галантный поцелуй (увы, с прежним успехом). – Вы обе за пределами храма, далеко от источника силы, и вдобавок за вами гонятся жрецы. Что заставило вас вступить на эту стезю?

Она улыбнулась мне и пересела совсем близко – эффект вряд ли оказался бы более впечатляющим, будь она сделана из нормальной плоти и крови, а учитывая, что невозможность прикоснуться к объекту желания – один из самых сильных эротических стимулов, который с большим успехом используют в программе театра... да, да, хорошо, вы поняли, о чем я говорю. Кукла вон, я вижу, поняла.

– Именно тот момент, который, судя по всему, занимает сейчас нас обоих, – отвечала мне тем временем богиня. – Я состою из нефрита и воздуха, и так было всегда – за исключением кратких периодов *корпоральности*. У сестры дела обстоят, естественно, так же, и... мы обе хотим большего.

– То есть вы способны принимать и плотскую форму? – сами понимаете, из всей ее речи этот факт заинтересовал меня больше всего. – Пусть даже совсем ненадолго?

– Да, – подтвердила Юддра. – но это нелегко. Мы с Пикниль хотим навсегда обрести смертную плоть, чтобы суметь в полной мере насладиться опытом, который доселе... так, всего лишь попробовали.

– И что же вам нужно, чтобы обрести смертную плоть? – спросил я, разумеется, из чистого любопытства. – Совсем ненадолго, я имею в виду.

– Кровь, – Юддра снова улыбнулась, показав чудные, безупречно заостренные зубки. – Смертная кровь. Несколько клавелинов подарят мне час, но где взять того, кто с охотой принесет такой дар? Кровь, понимаешь ли, должна быть отдана добровольно.

Клавелин? Это такая маленькая бутылочка, вот такой высоты, вот такой ширины? В них еще везде разливают молодое вино? Не так уж много. Я вам, конечно, не цирюльник-кровапускатель, но даже я знаю, что человек может потерять и побольше, не рискуя отключиться.

– Счастлив служить Вашей Божественности! – объявил я.

Долгая привычка к осторожности заставила меня тут же уточнить:

– Два клавелина и ни капель больше. Такого количества я с радостью лишусь ради очаровательного и *осязаемого* общества, способного развеять дорожную скуку.

Еще одна улыбка, и богиня согласилась, что такое развлечение и впрямь было бы весьма уместно. На самом деле, призналась она, не в последнюю очередь ее желание принять навечно смертную форму объяснялось как раз занятиями вроде только что мною предложенного – но на более регулярной и вдумчивой основе. Я ожидал, что тут-то она и пустит мне кровь своими острыми зубами, на манер тех тварей, которых некоторые зовут вампирами, однако вместо этого мне самому пришлось сделать надрез перочинным ножом поперек ладони и накапать крови на блюдечко из тех, что вместе с чайными чашками предоставила нам дорожная компания. К ним прилагался и самовар, бодро булькавший с самого Ортаона. Кровь моя капала, а Юддра лакала ее из блюдца с достоинством и изяществом кошки. По мере угощения я наблюдал, как богиня становится все более телесной, как меркнет жемчужный отблеск, а кожа ее обретает... как бы это сказать... подлинную *реальность*, но остается при этом умопомрачительно прекрасной.

Тут я опушу шторы моего повествования, как опустил их в купе. Достаточно будет сказать, что время пролетело, увы, слишком быстро, и слишком быстро моя богиня снова стала таять. Хотя, надо вам сказать, само это состояние, когда дама не вполне здесь, но и не вполне не здесь, сулит определенные удовольствия, и весьма прелюбопытные. Думаю, она тоже сочла, что достаточно приятно провела со мной время, сэр рыцарь, так что можете стереть с лица эту вашу ухмылочку. Я изучал труды великого любовника Гиристо Главкского

и многое из упомянутого в них практиковал – да, вплоть до сто семьдесят седьмой страницы. И, кстати сказать, неподалеку обитает одна молодая вдова, согласившаяся вместе со мной проштудировать материал, изложенный на страницах с сто семьдесят восьмой по сто восемьдесят четвертую...

Да продолжаю я, продолжаю. Шторы мы подняли, богиня уселась напротив; в окна светило солнце, и расстояние до Дурлала сократилось еще на дюжину лиг. Я приготовил чай – черный листовой с побережья Каза, а не этот ваш зеленый из Джунку, – и принялся дальше расспрашивать Юддру Темную (если, конечно, именно эта сестра составляла мне компанию).

– Итак, вы не желаете больше быть богиней, но стремитесь навсегда стать смертной?

– Именно так, – подтвердила Юддра, пожирая мой чай глазами с выражением голодным и даже каким-то волчьим. – Я, к примеру, никогда не пробовала вот этого напитка, который у вас в чашке. А ведь есть столько других вкусов, столько ощущений, недоступных чисто духовным созданиям!

– Но поведайте же мне, как такое возможно – стать совсем-совсем смертной? Конечно, не путем поглощения крови. Если два клавелина дают вам всего только час, количество, потребное для постоянного поддержания телесности, должно быть поистине... чудовищным. Вряд ли кто-то согласится дать вам столько по собственной воле.

Она расхохоталась, откинув голову.

– Пикниль нашла способ. По крайней мере она сообщила об этом в своем последнем послании. Мне нужно встретиться с нею на развилке Халлека, откуда мы вдвоем отправимся в... но, вероятно, мне не стоит вам об этом рассказывать, ибо, несмотря на наши объятия, я чувствую, что вы не полностью и не всей душой сочувствуете нашему делу.

Тут она устремила взгляд на кольцо у меня на пальце, носящее, как видите, изображение компаса – знак моего Ордена. Я несколько удивился ее мирской осведомленности, позволяющей узнать сей символ и, более того, даже иметь некоторое представление о налагаемых на нас ограничениях – впрочем, весьма небольшое, иначе она поняла бы, что я не имею ни малейшего желания вставать на пути у божества, возжелавшего смертности, я, свято верующий, что люди должны верховенствовать над богами и что труды наши в этом мире не придут к концу, пока последний божок не будет извергнут туда, откуда пришел. Полагаю, это несколько более радикальные взгляды, нежели те, которых придерживаетесь вы, сэр, заблудившийся в определениях, вынужденный выносить отдельное суждение о каждом конкретном боге, с которым имеете дело: благожелателен он и безвреден или же злонамерен и опасен, и надо ли его в связи с этим уничтожить или всего лишь изгнать... Мы всех их считаем вредителями, от которых следует избавляться при первой же возможности. Впрочем, некоторые могут сначала принести людям пользу.

– Вы правы, до богов мне нет никакого дела, – сказал ей я. – Но раз вы желаете стать смертной, то и относиться к вам я буду как к смертной. А раз так, вы мне не враг. При условии, само собой, что достижение вашей цели не будет сопровождаться, например, изъятием запасов крови у множества людей обманным путем.

– Кровь тут вообще ни при чем, – величаво заверила меня Юддра.

Она подвинулась к окну и посмотрела наружу:

– Думаю, мы уже недалеко от развилки Халлека. Здесь мы распрощаемся. Прошу вас никому не рассказывать ни о нашем нежном свидании, ни даже о самом нашем знакомстве: мы с сестрой не хотим обратно в храм, а кругом так и кишат шпионы и платные осведомители.

– Я никому об этом не скажу и не напишу, – пообещал я. – Надеюсь встретить вас когда-нибудь снова – когда вы будете простой смертной женщиной, а не блудной богиней. Если

пожелаете, вы легко сможете найти мой дурлалский дом. У него крыша из желтой черепицы, он один такой на улице Водяного Медведя.

О нашей первой встрече осталось сказать немного. На подъезде к развилке Халлека она снова обратилась в холодную нефритовую статуэтку, после чего я, повинаясь данным мне указаниям, вышел из поезда, перенес ее через улицу и устроил в ветвях старого харкамона, посаженного на месте какой-то древней битвы. У вагона я обернулся и успел заметить, как некая фигура в плаще с капюшоном спикировала с дерева, схватила статуэтку и была такова. Несмотря на маскировку, я успел признать в ней богиню-близнеца.

На этом, я полагал, все и закончится. Интересное знакомство, не менее интересное, хотя и слишком скоротечное свидание, и странная сказка, которой я обещал ни с кем не делиться. У меня была куча работы, тексты ждали корректуры, сюжеты просились на бумагу. Вскоре я позабыл и Пикниль-Юддру Сияющую, и Юддру-Пикниль Темную. Только в полузабытых снах являлись они ко мне, обе сразу, и мы... ах, такие сны очень сладостны, но как же трудно потом вспомнить подробности...

Я вас умоляю, сэр, это уже как-то слишком! Едем дальше. Да, мне довелось еще раз встретиться с богиней. Уверен, вам об этом известно, или вы бы здесь сейчас не сидели... между прочим, вы отнимаете у меня время, которое я выделил специально на разоблачение последних благоглупостей гильдии пародистов. Думаю, я видел нашу героиню несколько дней назад... Чего? К вашему сведению, не так-то просто сохранять точность, когда работаешь день и ночь напролет. Хорошо-хорошо, это случилось прошлой ночью, но поскольку и нынешняя уже движется к утру, пара дней – вполне корректное определение.

Я работал тут, у себя в кабинете, сидя в этом самом кресле. В дверь тихонечко постукали, хотя никаких посетителей я не ждал. Мой гоблин давно уже отправился баиньки, так что в любом случае не пошел бы открывать. У меня есть довольно внушительное число недругов, так что я взял пистолет – тот самый, что вы конфисковали, сэр рыцарь, и мне совершенно невдомек, по какой причине; вы бы еще нож для бумаг отобрали – а что, он с виду похож на кинжал! Уверяю вас, для этой грубой бумаги, на которой я делаю записи (сосед-печатник продает мне по дешевке обрезки и остатки), нужно острое орудие. Тупой нож ее рвет и мнет, так что пользы в нем никакой.

– Входите! – крикнул я весьма твердым голосом, держа палец на спусковом крючке.

Пульс у меня стал лишь чуть-чуть быстрее обычного.

Дверь медленно отворилась, и внутрь проникла согбенная фигура – по всей видимости, древняя старуха, так закутанная в шарфы и шали, что лица было совсем не видать. Потом она подковыляла поближе, выпрямилась, и свет лампы наконец выхватил из мрака ее черты. Старое и морщинистое лицо, старше моего раза в два, а то и больше... и почему-то странно знакомое. Глаза ее сверкали молодым огнем и, черт побери, я ее знал.

То была Пикниль-Юддра собственной персоной... ну, или ее сестра. Больше не сияющая, совсем не молодая, скорее уж дряхлая – и со всей очевидностью смертная.

– Вижу, ты меня узнал! – прокаркала она.

В голосе еще сохранилось что-то от прежнего ее блистательного «я», но внешность откровенно меня поразила. Ведь всего какой-то год назад мы встретились в поезде...

– Юддра-Пикниль Темная! – тихо промолвил я, но внутри уже плескалось предвкушение, ибо меня явно ожидал рассказ, какой мало кому доведется услышать, – сюжет, который я смогу потом пересказать и назвать своим.

– О, да. Некогда я была Юддрой-Пикниль Темной, – сказала старуха и, кряхтя, уселась там, где сейчас сидите вы, господин мой Кукол, и положила суму (потрепанную суму из вареной кожи) туда, где сидите вы, сэр рыцарь.

– Некогда ты выражал желание увидеть меня снова, и вот – я пришла.

Речи ее меня малость встревожили, в них как-то само собой напрашивалось продолжение: «...навек поселиться», – но с этим можно было разобраться и попозже. Самым важным сейчас был рассказ! Вот что я никак не хотел упустить!

– Расскажите скорее, что с вами случилось! Как вышло, что вы стали такой? – взмолился я. – Что с вашей сестрой? Куда лежал ваш путь после нашего расставания?

– После Халлековой развилки, – начала старуха, глядя мимо меня; древние ее глаза видели то, чего здесь не было (во всяком случае, что-то, недоступное моим), – куда наш путь только не лежал! Это был план сестры; она долго его обдумывала, и она же отыскивала способ решить нашу проблему. Нет, это была не кровь, она ничем бы нам не помогла, разве что ненадолго. О, если бы мы могли пить кровь, взятую силой, это был бы совсем другой разговор! Мы честно пытались, когда еще были совсем молоды. Увы, это не работает, и почему оно не работает, нам так и не удалось выяснить. Таковы ограничения нашей природы, с которыми мы пришли в этот мир.

Мы искали другие пути, черпая мудрость у колдунов и жрецов, у мудрецов и магов. Никто не сумел нам помочь. Но в конце концов – прошло лет десять, если не больше, – именно Пикниль нашла решение, когда была мною и скиталась за пределами города в поисках способа избавиться от нашей божественности.

Далеко на северо-западе есть одно место, за Кериманом и Усталыми Холмами, дальше даже Форт-Ларгина и Роргримской цитадели, в горах за долиной Харгру, у подножия пиков, где обитает Умалившийся Народ. Оно зовется Веркиль-на-Верекиль. Это разрушенный город, где лишь немногие смертные влачат самую примитивную жизнь.

Пикниль обнаружила один древний текст, в котором говорилось о Веркиль-на-Верекиле, о городе каким он был до разрушения, о правившем там короле и его короне. Именно корона нас и заинтересовала, ибо в тексте говорилось об одном ее исключительном свойстве: она могла сделать человека богом или...

Она улыбнулась. Зубы ее больше не белели и не сверкали; они были серые и обломанные по краям.

– ...или бога – человеком.

Путь в Веркиль-на-Верекиль был долгим и трудным: ведь с каждой лигой, отделявшей нас от Шривета (куда мы прибыли из иного мира и где сосредоточена наша сила), мы становились все слабее. К тому времени как мы миновали Роргримскую цитадель и начали подниматься в горы, я уже не могла принимать нефритовое обличье, а для того чтобы вызвать хоть немного света, требовались наши с сестрой объединенные усилия. Еще того хуже, мы обе неуклонно таяли, увядали и уже сомневались, что сумеем достичь Веркиль-на-Верекиля: это могло оказаться попросту слишком далеко. И все же мы решили продолжать наш путь. Мы не знали, что случится, если мы слишком растянемся в пространстве, удаляясь от города: то ли наше существование вообще прекратится, то ли *энергистические* каналы, ведущие назад, в храм, сократятся, притянут нас обратно, и мы снова окажемся там, запертые в Шривете, будто в тюрьме. К тому моменту уничтожение нас уже не пугало, а если бы мы оказались снова в храме, то просто-напросто снова пустились бы в путь. В общем, мы шли дальше.

В конце концов, мы достигли Веркиль-на-Верекиля – пусть и в виде нарисованных тонким карандашом карикатур, больше похожих на мимолетные тени в зеркале... что в некотором роде было совсем неплохо, так как местное население сохраняло верность старым идеалам и хорошо охраняло руины. Некоторые из стражей обладали оружием, способным прикончить и таких, как мы. И все же, тонкие, будто тени, мы проскользнули мимо них и углубились в развалины и там, в самом сердце гор – о, да! – мы нашли корону.

Она умолкла, опустив глаза. Дряхлые руки ее дрожали – так важно было то, о чем она рассказывала.

– Продолжайте! – взмолился я. – Вы нашли корону... И вы ее надели?

– Пикниль надела, – прошептала старуха. – В тот самый миг, когда она вознесла обруч над головой, я ощутила, что судьба обратила на нас свой взор, и вспышка давно позабытого воспоминания сверкнула передо мной. Я закричала, чтобы она не спешила, но сестра не стала ждать.

– И корона сделала ее смертной? – спросил я.

– О, да. Она сделала ее смертной. И обрушила на нее весь груз наших лет, – сказала женщина, которая недавно была богиней.

– Я увидела, как она обратилась в плоть и улыбнулась, сияя торжеством, а потом улыбка ее исказилась, и страх затопил очи, когда эта плоть со вздохом осела на костях. Место улыбки занял смертный оскал, и сестра распалась прямо у меня на глазах, превратившись сначала в гниющее мясо, а затем в голые, бесплотные кости. Тут я почувствовала, как магия изошла из короны, и я тоже стала смертной, и моя призрачная форма облеклась физической материей. Я вспомнила, что давным-давно, когда мы только провалились в этот мир, мы были едины, были одним существом по имени Пикнильюддра. Лишь спустя века мы разделились, потому что жрецы стали придумывать истории о нас, и слово стало плотью, а мы – близнецами дня и ночи... и вот все тысячи лет, проведенные нами на этой земле, принялись изливаться в меня из проклятой короны!

Я кинулась вперед и сшибла венец с черепа, который...

Она ненадолго умолкла.

– Так я спасла себе несколько жалких лет жизни, но, увы, слишком поздно, ибо я стала тем, что ты видишь перед собою теперь. Смертная – но старая, слишком дряхлая для тех простых радостей, которых надеялась вкусить; слишком древняя даже для того, чтобы стражи короны посчитали меня опасной. Да, они пропустили меня и не тронули, сочтя выжившей из ума старухой-попрошайкой их собственного рода и племени. Много трудных шагов, много тяжких дорог привели меня в Дурлал. Тут я вспомнила одного писаку, к которому когда-то имела склонность, и вот она я, и здесь хочу отдохнуть, прежде чем отправиться в Шривет, где мне и место.

Таков конец этой истории. Я накормил ее ужином, уложил, подарил плащ. Наутро я насыпал ей в кошелёк денег, достаточно на проезд в пятом вагоне по Регулярной Безостановочной до Ортаона, а там уже и до Шривета рукой подать.

Вот и весь мой рассказ. Думаю, вы легко ее догоните, если сядете на следующий поезд. Она явно не могла далеко уйти от Ортаона. А я полагаю, вы действительно хотите ее догнать – и «убрать», если книги не врут? Даже если она уже не бродячая богиня, а простая смертная старуха, это все равно ваш бизнес, так как, по всей вероятности, бизнес этот в том и состоит, чтобы избавляться от таких бездомных и не отвечающих общим стандартам божков?

Другие дела? Это какие-то такие другие дела у нас с вами могут быть? Я вам все рассказал. Юддра была здесь, она ушла, она больше не богиня. Я – человек занятой, мне еще писать и писать, да вы на стол мой посмотрите!..

Сумка? Ее сумка? Ну да, я упоминал сумку, старую, из вареной кожи, с бронзовыми застежками. Понятия не имею, где... А вот эти вот нарукавники вы зачем надеваете? И что там на них написано? Я этого языка не понимаю, мне он не нравится, так что, хоть вы и гости в моем доме, я, пожалуй, откланяюсь сам, да побыстрее!..

Ай, это вообще-то больно! И совершенно излишне! Хорошо, я буду сидеть спокойно, хотя мне ваше бормотание сильно не по вкусу, оно, знаете ли, отдает *жречеством*, а я чисто из принципа против всяких там жрецов и богов.

Мастер Фитц, вы меня нервируете! Вы и в виде куклы-то достаточно неприятный, и если это то, что я думаю, так знайте, что колдовство в этом округе под запретом, да и нет в нем никакой нужды, решительно никакой.

Что это вы делаете, сэр рыцарь? Это чрезвычайно древний сундук и очень драгоценный в придачу, я там храню редкие манускрипты. Нет, открывать его не надо, да и ключ я давно потерял. Хотя, если хорошенько подумать, ключ может оказаться у меня в кармане другого плаща, который я давеча забыл в клубе Свидетелей Зари после пирушки. Ну, вы его знаете, клуб этот, туда ходят те, кто трудится по ночам, печатники и тому подобная публика. Я только сбегая туда, принесу плащ и ключ вместе с ним...

Да вашу же мамашу! Не надо было этого делать, достаточно просто попросить, я бы сам сел. Тогда не будет вам никакого ключа, и ваш интерес к старым пергаментам и моим черновикам так и останется неудовлетворенным, мне очень жаль. Зачем мне закрывать глаза? Я не...

Ага, понятно. То есть понятно, что вижу я теперь с трудом. Изумительно яркая была вспышка, господин Кукол, что да, то да. Как я уже говорил, это очень древний сундук... вернее, *был* очень древний сундук, и расплавленный замок сильно снижает его историческую ценность. Боюсь, мне придется потребовать компенсации в размере, скажем, десяти, нет, двенадцати гольдеров этого города – и ни в коем случае не этих ваших фальшивых монеток. И я запрещаю вам рыться в моих бумагах... ну да, я накрыл их сверху старым плащом, чтобы защитить от сырости, что тут такого? Запах, надо думать, идет от пергамента, на котором выросла ядовитая плесень, или от неправильно высокoblенной телячьей кожи – я вообще-то на разных материалах пишу. Я как раз сейчас работаю над очень важным текстом и, представьте себе, нуждаюсь в покое и одиночестве, так что прошу вас...

Труп?!! Где труп? Труп какой-то старухи? Понятия не имею, как он мог туда попасть. Вероятно, это какой-то сложный розыгрыш с вашей стороны, да? Постановочная шутка, так сказать? Я стражу позову! Помогите! Помогите! На по-о-о-омо-о-о-о-ощь!

Судя по отсутствию кляпа, удавки и прочих специальных приспособлений, страже вы уже заплатили? Подобная предусмотрительность свидетельствует о том, что передо мною люди... хорошо, человек и кукла... не чуждые материальной выгоде. А ведь у меня есть недурной капиталец, и я охотно заплачу вам уместную сумму, чтобы все это происшествие осталось строго между мной и вами. Скажем, двадцать гольдеров? Нет? Пятьдесят? Сто гольдеров! Это все, что у меня есть, возьмите и оставьте меня в покое...

Сумка у нее под ногами? Какая сумка? Ах, эта! С бронзовыми застежками, как видите, категорически не тронутыми мною. Да не убивал я ее, она сама умерла, во сне, она старая! Ну, я и сунул ее в сундук, пусть полежит немного, а то мало ли что, неприятностей не оберешься. И сумку тоже, глядите, корона все еще там. Я спрятал ее, чтобы уберечь других от соблазна!

Что? Конечно, я не надевал ее! Да как вы смеете предполагать такое! Я ношу циркуль и наугольник!¹ «Люди превыше богов» – вот мое кредо. Истинному человеку такая корона ни к чему. Забирайте ее и катитесь, я не стану подавать на вас жалобу. Это против моих принципов, но я не буду мешать другому стать богом, и вам уж в любом случае помешать не могу.

Вы не желаете становиться богом, сэр рыцарь? А вы, мастер Кукол... что вы там вытворяете со своей колдовской иглой? Да-да, на этот раз я закрою глаза, но эта корона обладает огромной художественной ценностью...

О, я бы ни за что не поверил, если бы не увидел все своими глазами. Испортить такую прекрасную вещь, пусть даже запятнанную... злым волшебством. Но, полагаю, ваши дела здесь на сем завершаются? Позвольте проводить вас до двери и, поверьте, больше мы не увидимся.

¹ Циркуль и наугольник составляют традиционную эмблему масонства. – *Примеч. ред.*

Еще одна игла, мастер Кукол? Зачем вам еще одна игла, скажите на милость? Корона уничтожена, древняя богиня мертва, все уже хорошо в этом лучшем из миров, или, по крайней мере, будет, когда меня оставят в покое!

Как? Да говорю же вам, я ни за что не стал бы надевать эту корону! Какие еще признаки... я вас не понимаю... *энергистические усики*?.. незаконное вторжение сущностей?.. тарабарщина какая-то, по мне, так полный бред. Я чрезвычайно расстроен. Мне нужно выпить. Давайте я принесу бутылочку, и мы разопьем ее на посошок по случаю вашего отъезда... ай, вот это было действительно больно и совершенно, абсолютно не нужно. Мы же здесь все друзья, правда?

Да, признаю, я человек странный. Я собираю всякие странности, древнюю бижутерию и все такое. Возможно, я чуть-чуть прикоснулся короной себе ко лбу, но ничего не случилось, ничего особенного, да и откуда вы вообще знаете? Говорю вам, никакой я не бог, я просто человек, совершенно безобидный, я всего лишь...

Примечание автора

С «Человеком, который хотел быть королем» Редьярда Киплинга я, как и многие другие, сперва познакомился в киноверсии. Этот фильм Джона Хьюстона мне очень понравился. Подозреваю, правда, мне понравилась бы любая картина, в которой снялись одновременно и Майкл Кейн, и Шон Коннери, но два таких великолепных актера в действительно хорошем фильме по изумительному рассказу – что может быть лучше? Когда Тим и Мелисса рассказали мне о замысле антологии, я сразу же задумался, каким авторам мне бы хотелось воздать дань уважения, и, конечно, Киплинг оказался в их числе. Возможно, потому, что, когда его книги перешли в общественное достояние и стали выходить огромными тиражами, я как раз работал в книжном магазине. Одно прочно связалось у меня с другим: мне до сих пор иногда снится в кошмарах, что внезапно выпустили несколько десятков новых изданий «Книги джунглей» – и все их привезли к нам.

Как только я окончательно решил нанести визит вежливости «Человеку, который хотел быть королем», сразу встал вопрос о двух главных персонажах. Кто будут мои ребята, мои Пичи Карнеган и Дэниэл Древотт? И, недолго думая, я решил использовать свой любимый дуэт – сэра Герварда и его кукольного приятеля, мастера Фитца. Третий основной персонаж – разумеется, сам Киплинг, который в оригинале ведет повествование от первого лица. Но я недавно перечитывал один свой текст еще университетских времен (в сборнике рассказов «Точка зрения», изданном Джеймсом Моффетом и Кеннетом Макэлхيني) и под его влиянием решил повернуть историю немного по-другому и подать ее как «подслушанный» актерский монолог, в котором идет речь о двух сбежавших богинях, а мы, читатели, оказываемся свидетелями событий, разворачивающихся одновременно и в прошлом, и в настоящем.

Веретено и дева Нил Гейман

К владениям королевы эта страна была ближе всех – если считать по прямой, как летит ворона. Да только даже вороны туда не летали. Границей между двумя землями служил высокий горный кряж, который не одолела бы ни ворона, ни человек. Горы эти считались совершенно неприступными.

Немало предприимчивых торговцев (что по ту сторону гор, что по эту) подзуживали местных жителей разведать тропу через перевал, которая – если б ее вдруг и вправду развели – озолотила бы всякого. Доримарские шелка доставляли бы в Канселер за несколько недель, самое большее месяцев, но уж никак не лет. Однако тропы такой не существовало в природе – вот в чем беда, и хотя у двух королевств имелась общая граница, никто никогда не переходил ее – ни оттуда сюда, ни туда отсюда.

Даже гномы, суровые, выносливые гномы, в которых магии не меньше, чем мяса и костей, не могли одолеть перевал.

Впрочем, гномы это проблемой не считали. Они через горы не переваливали. Они проходили низом.

Трое гномов пробирались темными подгорными тропами, да так проворно и ловко, словно их не трое было, а один.

– Скорее! Скорее! – бормотал арьергард. – Нужно купить ей в Доримаре самого что ни на есть первостатейного шелку. Если не поторопимся, все распродадут, придется брать не первый сорт, а... ну, второй.

– Да знаем мы, знаем! – отозвался авангард. – И еще мы купим корзинку, чтобы шелк было в чем назад нести. Чтобы чистым остался, чтоб ни единой пылинки не село.

Гном, что шел посередке, ничего не сказал. Он крепко сжимал в руках камень (только б не уронить, не потерять!) и видел только его, и только о нем и думал. Камень тот был рубин, вырубленный из скалы наживую, размером с куриное яйцо. Если огранить его да оправить, за такой и королевство дадут, а не то что лучшего доримарского шелку.

Гномам бы и в голову не пришло дарить молодой королеве что-то выкопанное прямоком из земли, пусть даже и своими руками. Нет, слишком просто, слишком банально. Дальняя дорога – вот что делает подарок по-настоящему волшебным. Так они, гномы, по крайней мере, думали.

Королева тем утром пробудилась рано.

– Еще неделя, – сказала она вслух. – Еще одна неделя от сего дня, и я выйду замуж.

Интересно, подумала она, каково это – выйти замуж?

Немного неправдоподобно и вместе с тем чересчур окончательно. Если жизнь состоит из череды выборов, рассуждала она, тут-то жизни и придет конец: через неделю никакого выбора не останется. Королева будет править своим народом. Заведет детей. Может быть, умрет родами... а, может, старухой или на поле брани. Но все равно дорога неизбежно приведет в могилу – шаг за шагом, вздох за вздохом.

На лугу под стенами замка уже стучали плотники, сколачивая трибуны, чтобы народ ее мог поглядеть, как она сочетается браком. Каждый удар молотка звучал глухо, будто билось огромное сердце.

Трое гномов выбрались из норы под речным обрывом и живо вскарабкались наверх, на луговину – раз, два, три. Влезли на гранитный выступ, распрямились, попрыгали, потянулись и припустили бод-рой рысцой к кучке приземистых домиков, что звалась деревенькой Гифф, – а точнее говоря, к деревенскому трактиру.

Трактирщик с гномами дружил. Для него они припасли бутылочку канцелерского – богатого, сладкого, темно-рубинового, совсем непохожего на местное пойло, кислое и бледное. Так они делали в каждый свой визит. За это трактирщик гномов кормил и наставлял на путь истинный – то есть дорогу показывал и советом помогал.

Трактирщик, с бородою кустистой и рыжей, будто лисий растрепанный хвост, грудью широкий, что твоя бочка, торчал в общей зале за стойкой. Утро только занималось; раньше на гномьей памяти зала в такой час всегда стояла пустая, но сейчас за столиками сидело десятка три человек, и особо счастливым никто почему-то не выглядел.

Вот так и получилось, что гномы, полагая тишком просочиться в трактир, очутились под прицелом сразу тридцати взглядов.

– Господин наш хороший Лисовин! – провозгласил тот гном, что повыше.

– А, ребята! – сказал трактирщик, который честно полагал прибывших мальчишками, хотя лет им на деле сравнялось вчетверо, а то и впятеро больше, чем ему. – Я так понимаю, вам ведомы горные тропы. Надо бы нам смыться отсюда, да поскорее.

– А что случилось? – поинтересовался самый маленький гном.

– Сон! – каркнул пьянчуга у окна.

– Мор! – уточнила нарядно одетая дама.

– Рок! – возвестил лудильщик, и кастрюли его тревожно брякнули. – Рок грядет!

– Мы вообще-то в столицу идем, – сообщил гном повыше («повыше», впрочем, означало не выше ребенка, да и бороды у него не росло). – В столице тоже мор?

– Да не мор это, – отозвался пьянчуга, борода у которого, напротив, росла, длинная, седая и в желтых пятнах от пива. – Говорю ж вам, это сонная одурь.

– Как это сон может быть мором? – удивился самый маленький гном. Тоже, кстати, без бороды.

– Это все ведьма! – объяснил пьянчуга.

– Злая фея! – поправил его некий толстолицый посетитель.

– А я слыхала, то была чародейка, – возразила трактирная служанка.

– Да кем бы она ни была, – осадил их пьянчуга. – На день рождения-то ее не позвали.

– Чушь это все! – перебил лудильщик. – Она бы все равно принцессу прокляла, хоть зови ее на именины, хоть нет. Она из этих, лесных ведьм, которых уже тысячу лет как к границам отогнали, – и притом из худших. С рождения прокляла малютку, чтобы та, как восемнадцать ей минет, веретеном-то палец уколола да и заснула навек.

Толстолицый вытер взмокший лоб, хотя особо жарко в зале и не было.

– Я вот слыхал, она должна была умереть, но тут явилась еще одна фея, на сей раз добрая, да и переиграла волшебную смерть на сон.

– Тоже волшебный, – добавил он на всякий случай.

– Ну вот, – продолжал пьянчуга. – Обо что-то там она палец уколола да и заснула. А с нею и все, кто был в замке: и лорд, и леди, и мясник, и пекарь, и молочница, и придворная дама – все, как она, заснули. И с тех пор, как сомкнули глаза, ни один ни на день не состарился.

– А еще там розы, – подхватила трактирная служанка. – Кругом замка выросли розы. А лес становился все гуще и гуще, пока не стал совсем непроходимый. И было это – сколько же? – лет сто тому назад.

– Шестьдесят. Может, восемьдесят, – молвила женщина, молчавшая до сих пор. – Я-то знаю. Моя тетка Летиция помнила, как все это случилось, а она в ту пору девчонкой бегала.

Семьдесят ей стукнуло, когда она померла от кровавого поноса. На Конец Лета тому как раз пять лет будет.

– ...и всякие храбрые парни, – не унималась трактирная служанка, – да что там! – говорят, и храбрые девицы тоже пытались одолеть Аркаирскую чашу, пробраться в замок, что у нее в самом сердце, и разбудить принцессу, а вместе с нею и всех спящих, только вот герои так и сгинули в лесу: кого разбойники злые убили, а кто на шипы напоролся – ну, от тех розовых кустов, что замок обступили...

– Как будить-то ее? – деловито спросил гном среднего размера, тот, что с камнем. Он всегда смотрел в самый корень.

– Обычным способом, – пролепетала служанка и вся зарделась. – Так в сказках говорится.

– Ага, – сказал гном повыше (без бороды). – То есть миску холодной воды на голову и орать «Подъем! Подъем!»?

– Да поцелуй же! – разъяснил специально для непонятливых пьянчуга. – Но так близко к ней никто еще не подбирался. Шестьдесят лет пытались, а то и больше. Говорят, эта ведьма...

– Фея, – уточнил толстяк.

– Чародейка, – поправила трактирная служанка.

– Да кто бы она ни была, – отмахнулся любитель пива. – Она все еще там. Вот что говорят, да. Ежели удастся подобраться поближе да продрасть через розы – вот и она, тут как тут! Поджидает! Стара она, будто сами горы, свирепа, как змея подколотная, – сплошь злоба, да чары, да смерть.

Самый маленький гном склонил голову набок.

– Итак, у нас есть спящая дамочка в замке и при ней, возможно, фея или ведьма. А при чем тут мор?

– Да все в последний год началось, – отвечал толстяк. – С год назад, на севере, не в столице даже. Мне о нем путники рассказали, из Стида, что от Аркаирской чащобы недалеко.

– Люди в городах засыпают, – пояснила трактирная служанка.

– Людям вообще свойственно спать, – не купился на это высокий гном.

Гномы спят редко – так, пару раз за год, по несколько недель кряду. Однако за свою долгую жизнь он успел проспать достаточно, чтобы не считать *этот ваш сон* чем-то из ряда вон выходящим.

– Так они ж прямо на месте засыпают, что бы в тот миг ни делали! И не просыпаются потом, – огорошил его пьянчуга. – Ты на нас посмотри. Мы все бежали сюда из разных городов. А ведь у нас там братья да сестры, жены да дети – и все спят, кто в доме, кто за верстаком, кто в коровнике. У всех у нас!

– И расплзается оно все быстрее и быстрее, – вставила худая рыжая женщина, до сих пор слушавшая молча. – Теперь уже на милую в день, а то и на две.

– К завтраму будет здесь, – подвел пьянчуга итог, одним глотком осушив свой кувшин, и кивнул трактирщику, чтобы ему снова налили. – Некуда нам податься, чтоб спастись от него. Завтра все тут уснем. Кое-кто вот решил надраться, покуда его сон не забрал.

– А чего тут бояться? – снова встрял маленький гном. – Сон как сон, обычное дело. С кем не бывает.

– А не пойти ли вам? – сказал устало пьянчуга. – Идите да посмотрите сами.

Он закинул голову, выхлебнул из кувшина, сколько смог, и опять воззрился на пришельцев мутным взглядом, будто дивясь, что они все еще тут.

– Нет уж, вы идите! Идите, и сами все увидите!

Трагически скривившись, он осушил кувшин до дна и уронил голову на стол.

Гномы и вправду пошли – и увидели.

– Спят? – спросила королева. – Объяснитесь! Как так – спят?

Гном стоял перед ней на столе – чтобы удобнее было беседовать с глазу на глаз.

– А вот так – спят, – терпеливо повторил он. – Кто-то упал, где стоял; кто-то так и спит стоя. В кузнях спят, в амбарах, в стойлах. Скотина в полях дрыхнет. Птицы спят – кто на дереве, а кто на земле, замертво, с переломанными крыльями. Потому что с неба упали.

На королеве было свадебное платье, ослепительно белое, белее снега, под стать ее белейшей королевской коже. Кругом жужжали и сустились служанки, придворные дамы, модистки и портнихи.

– А вы трое почему не заснули?

Гном пожал плечами. Борода у него была ржавой масти и топорщилась так, что королеве все время казалось, будто к подбородку у него привязан сердитый ежик.

– Гномы – существа волшебные. Сон этот – тоже волшебный. Но вообще-то даже мне спать захотелось.

– Ну а дальше что?

Да, она была настоящей королевой и допрашивала его так, словно в комнате они находились одни. Служанки между тем принялись снимать с нее платье, складывать его и заворачивать в тонкую хрустящую бумагу, чтобы скорей унести в свои норы – пришивать последние оставшиеся кружева и ленты. О, это должно быть идеальное платье!

Завтра королевская свадьба. Идеально должно быть все.

– Когда мы вернулись к Лисовину в трактир, люди там уже спали – все до единого. Колдовство распространяется на несколько миль каждый день. И мы думаем, что с каждым днем оно будет двигаться все быстрее.

Горный кряж между двумя королевствами был невозможно высок – но не так уж и широк. Считать мили королева умела. Она запустила бледные пальцы в иссиня-черные волосы, и на лице ее отразилась тревога.

– И что ты думаешь? – спросила она гнома. – Если я отправлюсь туда... я тоже усну, как все остальные?

Гном задумчиво поскреб ляжку, вряд ли соображая, что делает.

– Вы уже год проспали, – рассудил он. – И пробудились потом, как новенькая. Если кто-то в целом свете и сумеет там не уснуть, так это вы.

Снаружи сустились горожане: развешивали нарядные флаги и украшали двери и окна гирляндами белых цветов. Столовое серебро усердно полировали; детей безжалостно сажали в корыта с чуть теплой водой (это потому, что корыто на дом было одно, и старшему всегда доставалась самая горячая вода... и самая, в общем-то, чистая) и яростно терли рогожей, пока мордочки их не станут похожи на сырое мясо. После этого их совали в воду с головой и, что самое ужасное, мыли за ушами.

– Сдается мне, – молвила королева, – никакой свадьбы завтра не будет.

Она послала за картой королевства, ткнула пальцем в ближайшие к горам деревни и разослала гонцов с повелением всем жителям срочно эвакуироваться к морю под страхом ее королевского гнева.

Затем вызвали первого министра и сообщили ему, что в отсутствие монархини за королевство отвечает он, и не дай ему бог сломать его или потерять.

После этого настал черед королевского жениха. Ему сказали, чтобы он не принимал близко к сердцу и что они все равно скоро поженятся, и плевать, что он всего только принц, а она уже королева. В подтверждение своих слов Ее Величество пощекотала юношу под подбородком (на редкость хорошеньким) и целовала, пока на губах у него не распустилась улыбка.

Потом она приказала принести ее кольчугу.

И меч.

И мешок провизии.

И привести коня.

А потом вскочила в седло и поскакала напрямик на восток.

Прошел целый день, прежде чем вдалеке показались призрачные и размытые, словно тучи на фоне неба, силуэты гор, окаймлявших ее земли.

Гномы уже поджидали королеву – в последнем трактире в предгорьях. Не теряя времени даром, они провели ее глубоко под землю, в темные коридоры, по каким они, гномы, путешествуют. Королеве уже доводилось жить с гномами, давно, еще девчонкой, и потому она совсем не испугалась, ни капельки.

Пробираясь своими подгорными тропами, гномы молчали. Лишь время от времени раздавалось:

– Берегите голову!

– Вы ничего необычного не заметили? – спросил самый маленький гном.

Нет, имена у гномов, конечно, есть, но только дело это священное, и человеку их знать не позволено.

У королевы имя тоже когда-то было, но в последнее время люди звали ее исключительно «Ваше Величество». Имен в нашей сказке будет немного, увы.

– Я много чего необычного заметил, – отвечал самый высокий.

Все четверо сидели сейчас в трактире у Лисовина.

– А то, что среди всех этих спящих кое-кто все же не спит?

– Ничего подобного, – возразил второй по росту, накручивая бороду на палец. – Все сидят точно так же, как в прошлый раз. Носы повесили и спят. Даже дышат едва-едва, так что и паутина, которой они обросли, не колышется.

– Вот те, кто ткот паутину, как раз и не спят, – вставил самый высокий.

И правда, трудолюбивые пауки уже протянули свои сети повсюду – от пальца к носу, от бороды к столешнице. Даже в глубокой ложбинке меж служанкиных грудей красовалась скромная паутинка. Борода пьянчуги стала совсем серой. Лохмотья свисали в проеме открытой двери, колышась на сквозняке.

– Интересно, – протянул кто-то из гномов, – они со временем оголодают и помрут? Или у них есть какой-то волшебный источник силы, чтобы можно было спать так долго?

– Думаю, второй случай, – заметила королева. – Если, как вы говорите, чары навела ведьма, и было это семьдесят лет назад, и все, кого тогда усыпили, спят по сей день, как король Меднобород у себя под холмом, остается сделать вывод, что голод, старость и смерть им не страшны.

Гномы согласно покивали.

– Вы мудры, – поклонился один из них. – И всегда были мудры.

В ответ королева вдруг пискнула, будто слова гнома немало ее удивили и напугали.

– Вон тот человек, – показала она пальцем, – он сейчас на меня посмотрел!

«Тот человек» оказался толстяком. Медленно, разрывая паутину, он оборотился лицом к королеве, однако глаз при этом не открыл.

– Бывает, что люди двигаются во сне, – успокоил ее маленький гном.

– Бывает, – согласилась королева, – но не так. Этот двигался слишком медленно, слишком плавно и вообще-то слишком *намеренно*.

– Ну, или вы все это себе вообразили, – не сдавался гном.

В этот момент все остальные спящие тоже повернулись к королеве – так медленно и протяжно, как будто и впрямь *намеревались* повернуться. Теперь все сидели к ней лицом, хотя никто и не думал просыпаться.

– Да, вижу, не вообразили, – согласился гном (тот самый, что со ржавой бородой). – Но они просто смотрят на вас с закрытыми глазами. Смотрят себе и смотрят, ничего плохого в этом нет.

Губы спящих задвигались в унисон. Свистящий шепот вырвался из сонных ртов.

– Они правда это сказали, или мне послышалось? – осторожно поинтересовался самый маленький гном.

– Они сказали: «Мама, у меня день рождения!», – ответила королева и содрогнулась.

Ускакать верхом у них не вышло. Окрестные лошади стояли в лугах и спали, разбудить их не удалось.

Королева шла быстро. Гномы – еще вдвое быстрее, чтобы только за нею угнаться.

Королева обнаружила, что зевает.

– Наклонитесь-ка ко мне, – скомандовал самый высокий гном.

Она подчинилась, и он как следует надавал ей по щекам.

– Вам надо хорошенько взбодриться! – радостно объяснил он свои действия.

– Я ведь всего только зевнула, – возразила королева.

– Далеко ли отсюда до замка? – вмешался маленький.

– Если сказки и карты не врут, Аркаирская чаща от нас мильх в семидесяти. Это трехдневный переход, – ответила она. И добавила: – Мне все равно нужно будет сегодня поспать. Не могу же я провести на ногах трое суток.

– Тогда спите, – разрешили гномы. – На рассвете мы вас разбудим.

Той ночью королева почивала в стогу сена. Кругом молча сидели гномы, гадая, увидит ли Ее Величество новый день.

Замок в Аркаирском лесу, сложенный из огромных серых глыб, был весь оплетен розами. Они каскадами ниспадали в ров и обвивались вокруг самой высокой башни. Каждый год розы расширяли свои владения – поближе к стенам уже оставались только сухие бурые стебли, со старыми шипами острее ножа. А в пятнадцати футах от них царили сочные зеленые листья и пунцовые соцветья. Ползучие розы, живые и мертвые, похожие на ржавый скелет, там и сям испятнанный краской, оплетали серую твердыню от подвалов до крыши, отчего ее строгий силуэт казался уже чуть менее строгим.

Деревья в Аркаирской чашобе росли густо и тесно; под пологом их царила мгла. Сто лет назад это был лес разве что по названию – просто большой парк, королевские охотничьи угодья, дом, родной кабанам, оленям и бесчисленным птицам. Теперь же ветви прочно переплелись между собою, а старые тропы заросли и забылись.

В самой высокой башне спала белокурая девушка.

Впрочем, в замке спали все. Все покоились в объятиях крепкого сна – все, кроме одного. Вернее, одной.

Волосы у старухи были серо-седые, с белыми прядями, и такие редкие, что сквозь них просвечивал череп. Сердито ковыляла она по замку, опираясь на палку, словно одна только ненависть и гнала ее вперед; хлопала дверями и бормотала на ходу себе под нос:

– Вверх по проклятым ступенькам, мимо незрячей стряпухи, что ты там варишь сегодня, жирная задница, а? Эх, ничего, ничего, пусто в котлах и горшках, пыль лишь одна, только пыль, вот ты горазда храпеть!..

Выйдя в аккуратный, ухоженный огород, старуха трясущимися руками нарвала рапунцеля с руколой да выдернула из земли большую брюкву.

А ведь восемьдесят лет назад во дворце держали пятьсот кур! В голубятне ворковали сотни толстых белых голубей; кролики носились, сверкая белыми хвостами, по изумрудному квадрату газона внутри замковых стен; рыба так и кишела во рву да в пруду – и карп тебе,

и форель, и окунь. Теперь кур осталось три. Всю честно уснувшую рыбу пришлось сачком выловить из воды. Кролики с голубями тоже куда-то подевались.

Свою первую лошадь старуха умертвила шестьдесят лет назад и постаралась съесть побольше, пока мясо не пошло радугой и не вскипело синими мухами и червями. Теперь она забивала крупных животных только посреди зимы, когда ничего не портилось и можно было отрубить себе по кусочку от мороженой туши и подрумянивать на огне – до самых весенних оттепелей.

Старуха миновала мать с уснувшим у самой груди младенцем. Рассеянно смахнула с них пыль и поправила розовый детский роток, чтобы он не потерял соска.

Свой обед из ботвы и репы она съела молча.

Это оказался первый большой город у них на пути. Ворота его, высокие, из неприступно-толстых досок, стояли, распахнутые настежь.

Трое гномов и рады были бы обойти его стороной (в городах им не нравилось; домам и улицам они не доверяли и считали их чем-то противоестественным), но пришлось тащиться за королевой.

Внутри им стало еще неудобнее – слишком уж здесь было *людно*. Всадники спали верхом на спящих лошадях; кучера спали на облучках неподвижных карет со спящими пассажирами внутри; спящие дети сжимали в ручонках игрушки, и обручи, и кнуты для уснувших волчков. Спали цветочницы возле куч бурых, сгнивших, засохших цветов. Даже рыбницы спали, завалившись на свои мраморные колоды. По колодам расплзались зловонные рыбы останки, мерцавшие личинками. Шевеленье и шорох червей – вот и вся оставшаяся в городе жизнь.

– Нечего нам здесь делать, – проворчал гном с сердитой ржавой бородой, озираясь по сторонам.

– Эта дорога была прямее всех, – отрезала королева. – К тому же она ведет к мосту. Направься мы другим путем, пришлось бы переходить реку вброд.

Ее Величество была совершенно спокойна. Она благополучно выспалась ночью и проснулась утром; сонная одурь ее не коснулась.

Они шли через город. Шелест червей да редкий всхрап и сопение спящих – вот и все, что нарушало тишину.

А потом чистый детский голосок раздался с каменной лестницы, громкий и звонкий:

– Ты прядешь? Можно я посмотрю?

– Вы это слышали? – Королева остановилась как вкопанная.

– Надо же! Спящие просыпаются! – сказал рослый гном.

Тут он ошибся. Просыпаться они и не думали.

Зато вставать – вставали. Медленно поднимались они на ноги, делали первые робкие, неуклюжие шаги – и шли дальше, сомнамбулически волоча за собой паутинные шлейфы. Всюду, всюду копилась эта неизбывная паутина.

– А сколько в городе обычно бывает народу? Я имею в виду человеческого народу, – поинтересовался вдруг самый маленький гном.

– По-разному, – ответила королева. – У нас в королевстве не больше двадцати, ну, тридцати тысяч человек. Этот город будет покрупнее наших. Думаю, тысяч пятьдесят. Или больше. А что?

– Просто все они, кажется, идут за нами, – сказал гном.

Спящие быстро не ходят. Они шатаются, спотыкаются; они ковыляют, как дети, застрявшие в озере сладкой патоки, как старики, угодившие в полную тяжелой, сырой грязи канаву.

Спящие шли к королеве и гномам. Любой гном запросто от них убежал бы, королева бы просто ушла прогулочным шагом. Но... их было так много. Они затопили все улицы, они шли, закутанные в паутину, зажмутив глаза или так закатив их под лоб, что сверкали одни лишь белки. Сонно волоча ноги, люди брели и брели вперед – медленно и неотвратно.

Королева повернулась и припустила бегом в переулочек, а гномы за нею.

– Это как-то непочтено, – проворчал на бегу неважно какой из гномов. – Надо было стоять и драться.

– Нет никакого почета, – прохрипела королева, – в драке с противником, который даже не соображает, что ты здесь. И решительно никакого почета нет в драке с человеком, которому снится огород, рыбалка или давно покойная возлюбленная.

– А поймай они нас, что б они стали делать? – спросил из-под королевского локтя гном.

– Ты уверен, что хочешь это знать?

– Да пожалуй, что нет, – рассудил гном.

Они бежали без остановки, пока не выбрались из города по другую сторону и не оставили мост позади.

Дровосек, что спал под деревом, полуповаленным полвека назад и вросшим теперь аркой в землю, повернулся к проходящим мимо королеве и гномам:

– Значит, мы берем веретено в одну руку, а нитку – в другую, верно? Ох, и острый же у него конец, как я погляжу! – сообщил он.

Трое разбойников прикорнули посреди того, что осталось от лесной тропинки. Позы у них были весьма причудливы: надо полагать, они сидели в засаде на ветвях нависшего над тропой дерева, да так и рухнули оттуда наземь, когда сонная одурь настигла разом всех троих.

– Мне, между прочим, мама не разрешает пряхсть, – заявили они в один голос, не просыпаясь.

Один из них, упитанный, что твой медведь по осени, цапнул подошедшую королеву за лодыжку. Маленький гном, недолго думая, отрубил кисть топором, а королева аккуратно, один за другим, разогнула спящие пальцы. Конечность упала на ковер сухих листьев.

– Я только немножечко попряду, можно? – как один, пролепетали трое разбойников; кровь лениво и густо капала из обрубка руки. – Мне так хочется спяхсть хотя бы ниточку!

Уже дюжину лет старуха не поднималась на самую высокую башню замка и никакого понятия не имела, с чего ей взбрело в голову сделать это сегодня. Восхождение выдалось трудное: ее колени и шейка бедра были в том совершенно уверены. Она взбиралась по вьющейся каменной лестнице, и каждая проклятая, так и норовящая вывернуться из-под ног ступенька была форменной пыткой. Никаких перил, ничего, что могло бы внушить крутым ступенькам хоть каплю уважения к преклонным летам. Время от времени старуха останавливалась, тяжело опираясь на палку, переводила дух и снова лезла дальше.

Все тем же единственным своим оружием она воевала с паутиной; густые сети свисали с потолка и ковром укрывали пол. Старуха грозно махала на них клюкой, рвала их и разбрасывала. Пауки бегом спасались на стены.

Да, подъем выдался долгий и трудный, но в конце концов она достигла круглой комнаты на самом верху башни.

Там не было почти ничего: только прялка да табуретка возле прорезного окна, да кровать посередине. Нетленное золото и пурпур пышного ложа еще виднелись под пыльным покрывалом паутины, защищавшим от мира его спящую обительницу.

Веретено валялось на полу подле табуретки – там, куда упало семьдесят лет назад.

Старуха палкой отодвинула паутину (в воздух взвилась пыль) и уставилась на спящую.

Желтое золото ее волос напоминало о полевых цветах. Губы розовели, как розы, взбиравшиеся по стенам замка. Давно уже дневной свет не заглядывал сюда, и все-таки кожа ее была будто сливки, и не казалась ни бледной, ни нездоровой.

Грудь девы едва заметно поднималась и опускалась в полутьме.

Старуха подобрала с пола веретено.

– Когда бы проткнула я этим твое проклятушее сердце, краса бы твоя отцвела! Правда ведь, детка, скажи?

Она сделала несколько шагов к спящей деве в пыльном белом платье... и уронила руку.

– Нет. Не могу, не могу. Во имя всех богов, если б я только могла...

С возрастом ее слух изрядно притупился, как и прочие чувства, но тут ей почудились голоса в окрестном лесу. Давненько она не любовалась из окон, как герои и принцы скачут сюда и гибнут, все гибнут в тенетах розовых шипов. И давненько уже ни один – будь он герой или кто – не добирался до самого замка.

– Ага, – сказала она снова вслух (она вообще много чего говорила вслух, да только кому ее было слушать?). – Даже добравшись сюда, они все равно умирают, гибнут и гибнут, крича в цепких объятиях роз. И ничего не поделать – никому ничего не поделать.

Они ощутили замок задолго до того, как увидели: ощутили, как волну тяжелого сна, отбросившую их прочь, будто прибоем. Они попробовали подойти еще раз – и мысли тут же стали путаться. Весь боевой задор как рукой сняло, голова отяжелела, в глазах помутилось. Но стоило повернуть назад, и они словно вынырнули в утро – разумней, мудрей, рассудительнее, чем когда-либо были.

Тем не менее королева и гномы решительно повторили попытку и ухнули прямо в заполонивший голову туман.

Они шли. Иногда кто-то из гномов зевал и спотыкался. Остальные тут же брали его под белы рученьки и тащили, упирающегося и бормочущего, вперед, пока в мозгах у того не прояснялось.

Королева не спала, хотя по лесу кружили люди, которых, по ее твердому убеждению, там быть не могло. Некоторые даже шагали рядом с ней по тропинке. Кое-кто пытался беседовать.

– Давай обсудим, моя милая, как натурфилософия влияет на политику, – говорил ее отец.

– Мои сестры правили миром, – ворчала мачеха, едва волоча по тропинке ноги в железных башмаках. Башмаки тускло светились оранжевым, но ни один сухой лист не затлел под ними. – Смертные восстали против нас, они свергли нас. И мы ждали, мы ждали в тених, там, где нас не увидят. Теперь они обожают меня. Даже ты, падчерица, даже ты меня боготворишь.

– Ты такая красивая, – шептала мама... умершая много лет назад. – Как алая роза на снегу.

Иногда рядом бежали волки, взметая прах и мертвые листья, но волчий бег не тревожил свисавшей с деревьев, как старые тряпки, густой паутины. Потом волки бросались прочь и исчезали в царившей меж древесными стволами глухой тьме.

Волки королеве нравились. Она загрустила, когда кто-то из гномов вдруг принялся орать, что кругом пауки размером больше свиней, и все волки тут же исчезли из ее головы – и из мира.

А ведь даже пауки оказались совершенно обычные, мелкие! Они тихо плели свои сети, не обращая внимания ни на время, ни на путников.

Мост через ров был опущен. Королева и гномы перешли на ту сторону, хотя что-то словно толкало их прочь. В замок, впрочем, попасть не удалось: густые тернии заплели двери, и молодая их поросль пестрела бутонами.

В розовой чаще виднелись останки: скелеты в доспехах и скелеты без доспехов. Некоторые красовались довольно высоко на стенах, и королева даже задумалась: интересно, это герои так высоко забрались в поисках входа и умерли уже там или погибли здесь, на земле, и розы сами вознесли их вверх, пока росли?

Ни к каким определенным выводам она не пришла. Могло быть и так, и эдак.

А потом мир ее вдруг стал теплым и невероятно уютным, и королева подумала, что если она прикроет глаза всего на пару минуток, никому от этого хуже не будет. Да и кто сможет ей помешать?

– Помогите мне, живо, – прокаркала она из последних сил.

Ржавобородый гном оторвал от ближайшего куста шип, вогнал его королеве в палец и тут же выдернул. Капля крови упала на камни.

– Ой! – сказала королева. И, помолчав, добавила: – Спасибо.

Все четверо устали на покрывало из роз. Королева протянула руку, сорвала цветок и вплела себе в волосы.

– Можно прорыть дорогу внутрь, – предложили гномы. – Пройти подо рвом в подвальный этаж, а оттуда наверх. Всего-то займет пару дней.

Королева задумалась. Палец у нее болел, и это было весьма кстати.

– Все началось тут восемьдесят лет назад или около того, – протянула она. – Распространяться же начало совсем недавно, но ползет все быстрее и быстрее. Мы не знаем, проснутся ли люди вообще. Мы вообще ничего не знаем – кроме того, что этой пары дней у нас может и не быть.

Она еще раз окинула взглядом густую чащу колючих стеблей, живых и иссохших, – десятилетия растительных судеб. Шипы и в смерти были остры, как при жизни. Королева двинулась вдоль стены, пока не наткнулась на невысоко висевший скелет. Ставив с его плеч полуистлевший плащ, она пощупала ткань. Хорошая выйдет растопка.

– У кого трут и фитиль? – деловито спросила она.

Старые лозы горели горячо и быстро. Уже через четверть часа оранжевые языки зазмеились вверх по стенам. Казалось, они сейчас пожрут все здание, но еще миг – и пламя угасло. Остался лишь почерневший камень. Последние тернии, устоявшие перед натиском огня, пали под мечом королевы и были с позором свалены в ров.

Четверо путников вступили под своды замка.

Старуха смотрела сквозь щель окна на бесновавшееся внизу пламя. Через бойницу несло дым, но башня огню была не под силу – как до него и розам. Старуха понимала, что на замок напали, а в таких случаях разумнее всего спрятаться в самой высокой башне – если вообще есть где прятаться. Проблема состояла в том, что именно тут на кровати спала дева.

Старуха выругалась и, кряхтя, принялась спускаться по лестнице, ступенька за ступенькой.

Она думала выйти на стену и по ней пробраться на дальнюю сторону замка, где есть ход в подвалы. Там можно спрятаться и переждать. Замок она знала как свои пять пальцев. Да, ходила она медленно, зато была хитра и умела ждать. О, что-то, а ждать она умела!

Навстречу ей по лестнице уже неслись голоса.

– Сюда!

– Туда, наверх!

– Тут еще хуже, давайте-ка поднажмем. Скорее!

Она повернулась и припустила обратно наверх, да только ноги ее отказывались торопиться, тем более по второму разу. Старуху нагнали на самом верху лестницы – трое парней, едва ей по пояс, и молодая женщина в грязной с дороги одежде и с волосами, чернее которых она в жизни не видывала.

– Взять ее, – небрежно скомандовала женщина.

Малыши отобрали у старухи палку.

– А она сильнее, чем кажется, – поделился один из них.

Голова у него все еще гудела, после того как его этой палкой огрели.

Новоприбывшие оттеснили беглянку назад, в круглую комнату.

– Огонь, – пробормотала старуха, добрых шестьдесят лет не разговаривавшая ни с кем, кто мог бы ей ответить. – Огонь... Кто-нибудь погиб в огне? Вы видели короля или королеву?

Молодая женщина пожала плечами.

– Вряд ли. Все спящие были внутри, а стены тут толстые. Ты кто такая?

Старуха сощурилась, потом покачала головой. Она была *она*, а имя, с которым она родилась, давно рассыпалось прахом от старости и неупотребления.

– Где принцесса? – продолжала черноволосая.

Старуха так и уставилась на нее.

– И почему ты не спишь?

Она не ответила.

Невысокие парни и королева горячо заспорили.

– Это и есть ведьма? Она вся пропитана волшебством, но оно, кажется, не ее.

– Стерегите ее, – приказала королева. – Если она ведьма, это может оказаться не просто палка. Держите их подальше друг от друга.

– Ась? – сказала старуха. – Это просто моя чертова клюка. Еще отцу принадлежала. Да только ему она больше не нужна.

Королева оставила ее слова без внимания. Подойдя к кровати, она отдернула шелковые сети. Спящая смотрела на нее незрячими глазами.

– Так вот где все началось, – сказал один из мелких.

– Прямо в ее день рожденья, – добавил другой.

– Ну что ж, – заключил третий, – кому-то придется исполнить почетную обязанность.

– Мне, – тихонько произнесла королева.

Она склонилась к спящей деве, алые уста к розовым. Поцелуй был долгим и энергичным.

– Ну как, получилось? – спросил гном.

– Понятия не имею, – ответствовала королева, – но мне ее вдруг стало ужасно жалко. Проспать всю жизнь напролет.

– Вы сами год провели в колдовском сне, – напомнил ей гном. – И не успели ни проголодаться, ни сгнить.

Тело на кровати пошевелилось, словно пытаясь вырваться из кошмара.

Королева даже не заметила. Взгляд ее был прикован к какому-то предмету на полу. Она нагнулась и двумя пальцами подняла его.

– Что у нас тут? – задумчиво пробормотала она. – Вот это уже пахнет магией.

– Да тут все пропитано магией, – попробовал возразить маленький гном.

– Нет, – молвила королева, показывая ему веретено, наполовину обмотанное ниткой. – Магией пахнет *отсюда*.

– Все тут и случилось, в этой проклятой комнате, – подала внезапно голос старуха. – Я была всего лишь девчонкой. В жизни не забиралась так далеко, а ведь лезла зачем-то – все выше и выше, ступенька за ступенькой, виток за витком, – пока не нашла эту самую верхнюю комнату. И увидела кровать – вот эту, только в ней никого не было. А на табуретке сидела

старуха, незнакомая, и пряла нитку из шерсти; веретено так и плясало. Я до тех пор никогда не видала веретена. Она и спрашивает, не хочу ли я попробовать. А потом берет нитку в руку и дает мне веретено, вроде как подержать. А сама моим же большим пальцем – да об острый конец, пока кровь не закапала. И в этой крови она смочила нитку, да и сказала...

Тут ее прервали. Голос был молодой, совсем юный, девичий, просто еще густой после сна.

– Я сказала: «Забираю у тебя твой сон, дитя, и забираю возможность причинить мне во сне вред, ибо кто-то же должен бодрствовать, пока я сплю. Твоя семья, друзья, весь твой мир тоже будет спать». А потом я легла на кровать и заснула. И они тоже заснули, а пока они спали, я краля по чуть-чуть от их жизни, по чуть-чуть от их снов, и во сне я возвращала себе молодость и красоту, и могущество. Я спала и становилась все сильнее. Я победила великого опустошителя – время, я создала себе целый мир спящих рабов.

Дева уже сидела в постели. Она была так прекрасна, и, ах, так молода.

Королева внимательно поглядела на нее: да, вот оно. То самое, чего она ждала и боялась увидеть: много лет назад у мачехи взгляд был точно такой же. Теперь ясно, что перед ними за тварь.

– Мы до сих пор думали, – вмешался самый высокий гном, – что когда ты проснешься, остальной мир пробудится вместе с тобой.

– И с какой, интересно, стати вы так думали? – улыбнулась золотоволосая дева (ах, вся такое невинное дитя! Но глаза... какими же старыми были ее глаза.) – Они меня и спящие вполне устраивают. Они так более... *покладистые*.

На мгновение она запнулась и тут же расцвела улыбкой.

– Кстати, они уже идут за вами. Я призвала их сюда.

– Башня довольно высокая, – заметила королева, – а спящие быстро не ходят. У нас есть еще немножко времени поболтать, твое темнейшество.

– А ты кто такая? И о чем это мы станем болтать? Откуда ты знаешь, как ко мне обращаться?

Дева соскочила с кровати и сладостно потянулась. Она растопырила розовые пальчики, как коготки, и запустила их в золотистые пряди. С новой ее улыбкой будто солнце заглянуло в сумрачную комнату на вершине башни.

– Коротышкам стоять на месте, – приказала она. – Они мне не нравятся. Как и ты, девочка. Ты тоже уснешь.

– Вот еще! – безмятежно ответила королева.

Она взвесила в руке веретено. Обвивавшая его нитка совсем почернела от времени.

Гномы замерли, где стояли, покачались и мирно закрыли глаза.

– С вашим племенем всегда так, – молвила королева. – Вам подавай молодость и красоту. Свои собственные вы уже давным-давно растратили и теперь изобретаете все новые способы добывать их – с каждым разом все сложнее. А еще вы все время хотите власти.

Они стояли почти что нос к носу, и златовласая дева казалась настолько юнее королевы...

– Может, тебе просто пойти баиньки, а? – сказала дева, улыбаясь светло и простодушно – совсем как мачеха, когда ей чего-то хотелось.

В самом низу лестницы поднималась волна шума.

– Я целый год проспала в хрустальном гробу, – сообщила ей королева. – И та, что меня туда уложила, была куда могущественнее и опаснее, чем ты в самых своих смелых мечтах.

– Могущественнее и опаснее меня? – Дева очень мило удивилась. – Да у меня под началом миллион спящих. Каждое мгновение сна я набирала все больше силы, и теперь сны все быстрее растекаются по окрестным землям – с каждым днем. У меня есть молодость

– ах, столько молодости! И у меня есть красота! Никакое оружие не причинит мне вреда. Никого в целом свете нет сильнее меня.

Она замолчала и воззрилась на королеву.

– Ты не нашей крови, – сказала она. – Но в некотором мастерстве тебе не откажешь.

Она улыбнулась улыбкой невинного ребенка, проснувшегося и увидавшего, что за окном – весна.

– Править миром будет нелегко. Как и поддерживать порядок среди наших Сестер – тех, кто дожил до этих паршивых времен. Мне нужен тот, кто будет моими глазами и ушами, кто будет творить правосудие и заниматься всеми делами, когда я занята. Я буду в центре паутины, а ты... ты не сядешь на трон вместе со мной, но *с нижней его ступеньки* ты все равно будешь править – и не каким-нибудь захудалым королевством, а целыми континентами.

Она протянула руку и коснулась бледной щеки королевы, казавшейся в здешнем сумеречном свете белой, как только что выпавший снег.

Королева ничего не сказала.

– Люби меня, – продолжала дева. – Все будут любить меня, и ты, что меня пробудила, должна любить больше всех.

Что-то в сердце королевы шевельнулось. Она снова вспомнила мачеху. Та тоже хотела, чтобы ее обожали. Научиться быть сильной и чувствовать то, что чувствуешь *ты*, а не кто-то другой – да, это было нелегко. Но когда научишься, потерять навык уже невозможно. Да и континентами править она не хотела.

Глаза девы цветом напоминали утреннее небо.

Она улыбнулась королеве.

Королева не улыбнулась в ответ.

– Вот, – сказала она, поднимая руку. – Это определенно не мое.

Веретено перекечало к старухе. Та задумчиво взвесила его в руке и принялась разматывать нитку скрюченными от артрита пальцами.

– Это была моя жизнь, – пробормотала она. – Эта нитка была моя чертова, долбаная жизнь...

– Ну да, – сварливо отозвалась дева, – это *была* твоя жизнь. Ты отдала ее мне. И тянулась она как-то слишком долго...

Прошли десятилетия, но конец веретена совсем не утратил остроты.

Старуха, которая некогда, давным-давно, была юной принцессой, покрепче взялась за нитку левой рукой, а правой вонзила веретено прямо в цветущую грудь златовласой девы.

Та без особого удовольствия посмотрела на струйку крови, побежавшую по коже и запачкавшую алым белое платье.

– Никакое оружие не в силах причинить мне вреда, – повторила она голосом писклявым и капризным. – Увы и ах. Глядите, это всего лишь царапина.

– А это никакое не оружие, – сказала королева, которая поняла намного больше. – Это твоя собственная магия. И царапины, поверь, более чем достаточно.

Кровь уже впитывалась в нитку, совсем недавно намотанную на веретено, – в нитку, бежавшую к комку шерстяной кудели в руке у старухи.

Дева снова устремила взгляд на платье – алое на белом, – а потом на промокшую от крови нитку.

– Я же всего-навсего укололась, – только и сказала она. В голосе слышалось удивление.

Шум на лестнице приближался: неторопливое, неравномерное шарканье, словно сотни лунатиков упорно взбирались с закрытыми глазами по каменной винтовой лестнице.

Комната была мала, прятаться негде, а окна – две узкие щели в толще безмолвного камня.

Старуха, не спавшая столько десятилетий, старуха, бывшая однажды принцессой, не сводила глаз с юной девы.

– Ты забрала мой сон. Ты крала мои проклятушие сны. Теперь с меня хватит.

Старуха была стара, с пальцами, узловатыми, словно корни боярышника, с длинным носом, с обвисшими веками, но глаза... сквозь ее глаза наружу смотрел кто-то очень юный.

Она покачнулась и упала бы на пол, если бы королева не успела подхватить ее на руки.

Дивясь, как мало в ней весу, королева отнесла ее на кровать и уложила на алое, стеганое, вышитое золотом одеяло. Грудь спящей тихо поднималась и опускалась.

Шум на лестнице стал еще громче. Затем наступила внезапная тишина, а еще через миг раздался многоголосый гомон, словно сто человек заговорили сразу, удивленные, злые и сбитые с толку.

Прелестная дева промолвила:

– Но... – И вот уже ничего прелестного не осталось в ней, как, впрочем, и девического.

Лицо ее утратило всякую свежесть и словно потекло с костей вниз. Неуклюжими, морщинистыми руками она вытащила из-за пояса маленького гнома походный топор и, дрожа, подняла повыше в угрозе.

Королева вынула из ножен меч, немало пострадавший в битве с розами, но бить не стала, а лишь отступила назад.

– Слышишь? – сказала она. – Они просыпаются. Они все уже просыпаются. Расскажи мне еще о молодости, что украла у них. Расскажи мне о красоте и могуществе. Расскажи, как ты умна, твое темнейшество.

Когда люди добрались до комнаты на самом верху башни, они увидели кровать, а на ней – очень старую женщину. Рядом величественно стояла королева, а при ней – троица гномов, которые то трясли головой, то озадаченно чесали в затылке.

На полу что-то валялось: куча костей да клочок волос, тонких и белых, словно только что спряденная паутина; старые тряпки поверх и какая-то жирная пыль.

– Позаботьтесь о ней, – сказала королева, указывая черным деревянным веретеном на женщину на кровати. – Она сегодня спасла вам жизнь.

А потом она ушла вместе с гномами. Никто из поднявшихся в комнату и никто из застрявших на лестнице не посмел их остановить. И никто так и не понял, что же случилось в тот день.

В миле от замка на прогалине Аркаирского леса королева и гномы запалили костер из хвороста и сожгли в нем и кудель, и нитку. Самый маленький гном разрубил черное веретено на куски своим походным топором. Обломки они тоже сожгли. Веретено жутко воняло, пока горело, так что королева даже закашлялась. В воздухе еще долго стоял запах старой волшбы.

Обугленные останки они закопали под рябиной.

К вечеру путники были уже на опушке.

Перед ними бежала тропинка, за холмом виднелась деревня, и из труб уже поднимался дым.

– Ну что, – сказал гном (тот, что с бородой). – Если взять отсюда прямо на запад, к концу недели мы выйдем к горам, а еще дней через десять благополучно доставим вас в Канселерский замок.

– Да, – согласилась королева.

– Со свадьбой вы, конечно, припозднились, но ее можно будет сыграть сразу же по возвращении. Всеобщий праздник, радость по всему королевству, цветы, музыка и так далее.

– Да, – согласилась королева.

Больше она ничего не сказала, а уселась на мох под дубом и принялась пить вечерний покой – глоток за глотком, вздох за вздохом.

Выбор все еще есть, подумала она, достаточно насидевшись. *Выбор есть всегда*.
И она сделала выбор.

Королева встала и пошла. Гномы устремились за нею.

– Вы в курсе, что идете на восток? – осторожно поинтересовался один из них.

– Да, – сказала королева.

– А, ну тогда все в порядке, – успокоился гном.

Они шли на восток, все четверо, повернувшись спиной к закату и к изведанным землям
– прямо в ночь.

Примечание автора

Я помню свою самую первую книгу – это была книга с картинками, про русалку. Первой книгой, в которую я влюбился, стала «Белоснежка», тоже с картинками. По моим трехлетним понятиям, иллюстрации были изумительными, а сюжет – захватывающим и ужасным. К тому же он идеально заканчивался. Много лет спустя я пересказал его в очень мрачном ключе, и с тех пор моя версия сказки, судя по всему, зажила собственной жизнью.

В бытность свою молодым журналистом я по долгу службы прочитывал кучу блокбастеров в стиле «секс и шопинг» и писал на них рецензии. С некоторым – впрочем, не очень большим – удивлением я обнаружил, что все их сюжеты сплошь заимствованы из сказок. Помнится, просто в качестве упражнения я состряпал современную «Спящую красавицу» в антураже хай-тек. Я ее даже не записал (на это мне цинизма не хватило), но с тех пор Уснувшая Дева постоянно рыскала где-то на задворках моего разума.

Когда Мелисса и Тим предложили мне отправиться в гости к любимой сказке, мне в голову тут же пришло множество сказок и множество сказочников. А потом я спросил, можно ли повидаться со Спящей Красавицей, и понял, что мне ужасно повезло, когда услышал в ответ «да».

«Золотые часы Кай Луна» (1922). Английский писатель Эрнест Брама опубликовал несколько сборников рассказов, написанных от лица весельчака и чудака по имени Кай Лун: «Бумажник Кай Луна», «Золотые часы Кай Луна», «Кай Лун расстилает циновку» и «Кай Лун под тутовым деревом». Действие всех этих рассказов разворачивается в Китае, но не настоящем, а созданном фантазией писателя (поскольку Брама в Китае не бывал), – на фоне туманных пейзажей, населенных коварными драконами, свирепыми разбойниками, своенравными мандаринами и пленительными девами. Последние то и дело попадают в беду, и главный герой получает возможность поведать нам своим изысканным слогом очередную сказку, расцвеченную маленькими чудесами.

Впервые раскрыв книгу Эрнеста Браммы, я попросту провалился в его мир с головой, да так и не выбрался: мое воображение по сей день терпеливо блуждает по извилистым тропам его историй.

Чарльз Весс

Kai Lung's Golden Hours

«Золотые часы Кай Луна»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.